

ХАРЬКОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

24-го Апрѣля № 16-17 1883 года.

Содержаніе официального отдѣла: Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Распоряженіе Епархіальнаго начальства.—Епархіальныя вѣдомости.—Вѣдѣнія мѣста.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. Содержаніе неофициального отдѣла: Свобода теологическаго раба и христіанство.—Самовоспитаніе.—Справедливо ли социалисты возлагаютъ Евангельскія ученія на подтвержденіе своихъ воззрѣній.—Древнее печатное Евангеліе.—Отъ совѣта прибалтійскаго православнаго братства.—Внутреннее обзоріе.—Объявленія.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Опрежденія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 19-го января—2-го февраля 1883 года за № 82, о порядкѣ постановленія судебныхъ установленіями опредѣлений относительно признанія за духовными учрежденіями вѣдомства православнаго исповѣданія права собственности на недвижимыя имущества по давности владѣнія, съ опредѣленіемъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенію г. синодальнаго Оберъ-Прокуроромъ 14 января сего года за № 211 копію съ состоявшагося 23-го февраля 1882 г., въ распорядительномъ засѣданіи гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, опредѣленія по вопросу о порядкѣ постановленія судебныхъ установленіями опредѣлений относительно признанія за духовными учрежденіями вѣдомства православнаго исповѣданія права собственности на недвижимыя имущества по давности владѣнія. Приказали: вышеозначенную копію опредѣленія Правительствующаго Сената по изъясненному вопросу, для объявленія и руководства по духовному вѣдомству, напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“, для чего и сообщить редакціи сего журнала упомянутую копію при выпискѣ изъ настоящаго опредѣленія.

Опрежденіе гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, отъ 23 февраля 1882 г.

1882 года февраля 23-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Оберъ-Прокурора гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, отъ 17-го декабря 1881 года за № 352, по вопросу о порядкѣ постановленія судебныхъ установленіями опредѣлений о признанія за духовными учрежденіями вѣдомства православнаго исповѣданія права собственности на недвижимыя имущества по давности владѣнія.

Министръ Юстиціи, въ ордѣ Оберъ-Прокурора гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, отъ 9-го декабря 1881 года, изложилъ: Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода сообщилъ ему, что, по имѣющимся въ дѣлахъ Святѣйшаго Синода свидѣніямъ, при производствѣ въ судебныхъ установленіяхъ, учрежденныхъ на основаніи судебныхъ постановленій 20-го ноября 1864 года, дѣлъ по ходатайствамъ духовныхъ учреждений вѣдомства православнаго исповѣданія о признанія за ними, въ порядкѣ, установленномъ рѣшеніемъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената 5-го октября 1872 года по дѣлу Молошиновой (сборн. рѣш. № 792), права собственности на недвижимыя имущества равнаго рода по давности владѣнія, не соблюдается единообразнаго порядка. Одни изъ сихъ установленій, признавъ доказаннымъ давностное, со стороны духовныхъ учреждений, владѣніе имущества, требуютъ, предварительнаго распоряженія о выдѣлѣ сими учрежденіямъ, чрезъ надлежащаго нотаріуса свидѣтельствъ на предметъ вноса въ владѣніе помннутыми имуществами, испрошенія Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе сихъ имущества, за тѣмъ или другимъ духовнымъ учрежденіемъ; другія же судебныя мѣста находятъ возможнымъ, по удостовѣреніи установленнаго порядкомъ, въ дѣйствительности давностнаго, со стороны духовныхъ учреждений, владѣнія имущества, въ то же время, сообщать нотаріусу о выдѣлѣ на это имущество свидѣтельствъ, для совершенія по оному вноса во владѣніе, не обуславливая такого распоряженія предварительнымъ исходатайствованіемъ Высочайшаго разрѣшенія на укрѣпленіе того имущества за духовными учрежденіями. Усатриная изъ сего, что послѣдствіемъ существующей въ практикѣ судебныхъ установленій двойственности порядка постановленія опредѣлений о признанія за духовными учрежденіями права собственности, по давности владѣнія, на недвижимыя имущества, является неопредѣленность въ порядкѣ полученія духовными учрежденіями нотаріальныхъ на тѣ имущества свидѣтельствъ, долженствующихъ замѣнять собою акты укрѣпленія и служить основаніемъ для вноса духовныхъ учреждений во владѣніе означеннымъ иму-

ществомъ, Оберъ-Прокуроръ Святыяшаго Синода проситъ Министра Юстиціи, на основаніи п. IV Высочайше утвержденного 10-го—22-го іюня 1877 г. мѣстна Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ судебныя уставы 20-го ноября 1864 года (втор. полн. Собр. Закон. т. III, отд. I, № 57471), предложить на обсужденіе Правительствующаго Сената вопросъ о порядкѣ постановленій судебными установленіями опредѣленій о признаніи за духовными учрежденіями вѣдомства православнаго исповѣданія права собственности на недвижимыя имущества по давности владѣнія. Оберъ-Прокуроръ предложилъ вышеизложенное на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Выслушавъ заключеніе Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ возводитъ, что, для опредѣленія порядка вѣвода во владѣніе духовныхъ учреждений православнаго исповѣданія недвижимыя имущества, которыми эти учрежденія владѣли въ теченіе давности, необходимо разрѣшить вопросъ о томъ: могутъ ли вообще духовныя учрежденія приобретать недвижимыя имѣнія посредствомъ давности? По закону, всякое, даже незаконное владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотѣмъ, пока имущество не будетъ присуждено другому и сдѣлана надлежащая по закону о передачѣ оного распоряженія (ст. 531 т. X ч. I). Спокойное, бесспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности, превращается въ право собственности, когда оно продолжается въ теченіи установленной закономъ давности (ст. 533 т. X ч. I). Одно пользование не можетъ служить основаніемъ къ приобретению имущества по давности, а потому всѣ тѣ, въ томъ числѣ и духовныя учрежденія, которымъ даны казенныя земли въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, или для извѣстнаго употребленія, не могутъ приобрести въ свою собственность, по праву давности, казенныя земли, состоящія въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе ни продолжалось (ст. 560 т. X, ч. I). Имущества, обращенныя въ заповѣдныя, не подлежатъ дѣйствию земской давности (564 ст. X т., I ч.). Общій срокъ земской давности полагается десятилѣтій (ст. 565 т. X, ч. I). Затѣмъ, законъ не дѣлаетъ никакого изъятія въ отношеніи лицъ, могущихъ приобрести имущество по давности владѣнія, и потому всякое лицо, физическое или юридическое, которое имѣетъ право владѣть недвижимымъ имѣніемъ, приобретаетъ право собственности на недвижимое имѣніе, который оно въ теченіе десяти лѣтъ владѣло спокойно, бесспорно и непрерывно, въ видѣ собственности. Духовныя учрежденія—церкви, монастыри и архіерейскіе дома—могутъ владѣть недвижимыми имѣніями (ст. 413 и 698 X. т. I ч.), а следовательно могутъ приобретать ихъ по давности владѣнія. Неправильное происхожденіе владѣнія не можетъ служить духовнымъ учрежденіямъ препятствіемъ къ приобретению права собственности по давности, въ силу общаго начала нашего законодательства, которое не требуетъ, въ частіи условій приобретательной давности, законнаго основанія владѣнія. Всѣдствие сего духовныя учрежденія могутъ приобрести по давности и такое недвижимое имѣніе, который они неправильно завладѣли, или которое они приобрѣли отъ прежняго собственника безъ всякаго письменнаго акта или по акту, при совершеніи коего не соблюдены предписанныя закономъ правила, въ томъ числѣ и исполненіе Высочайшаго соизволенія на приобретение имѣнія (ст. 778, 984 и 1429 т. X, ч. I). Признавая, по изло-

женнымъ соображеніямъ, что духовныя учрежденія могутъ приобретать недвижимыя имѣнія давностію владѣнія и принимая во вниманіе: 1) что, на основаніи 778, 984 и 1429 ст. т. X, ч. I, исполненіе Высочайшаго соизволенія требуется до приобретения духовными учрежденіями недвижимыя имѣнія въ собственность и 2) что, при постановленіи окружнымъ судомъ, въ охранительномъ порядкѣ, опредѣленія о выдачѣ свидѣтельства о приобретѣніи недвижимыя имѣнія по давности владѣнія, окружной судъ установляетъ лишь совершившійся уже фактъ приобретѣнія просителемъ имѣнія въ собственность посредствомъ давности.—Правительствующій Сенатъ *опредѣляетъ*: различать, что для выдачи, въ охранительномъ порядкѣ, духовнымъ учрежденіямъ свидѣтельства о приобретѣніи ими недвижимыя имѣнія по давности владѣнія и для вѣвода во владѣніе духовныхъ учреждений не требуется предварительнаго исполненія Высочайшаго соизволенія; о чемъ всѣмъ окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ послать указы, и копию съ сего опредѣленія передать къ дѣламъ Оберъ-Прокурора.

Подлинное за подписаніемъ гг. сенаторовъ и срібною вкладною помощника Оберъ-Секретаря. Декабря 15-го дня 1882 года.

II. Отъ 1—24 марта 1883 года за № 45, о порядкѣ выдачи вдовамъ и сиротамъ умершихъ умиршихъ гражданъ и церковнослужителей заслуженнаго послѣдними жалованья.

По указу Его Императорскаго Величества, Святыяшаго Правительствующаго Синода слушаніи предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 минувшаго февраля за № 2267, коимъ объявляетъ Святыяшаго Синоду, для завѣщавшихъ распоряженій, о состоявшемся по Министерству Финансовъ постановленіи, извѣстномъ въ циркулярѣ департамента Государственнаго казначейства Казеннымъ Палатамъ, отъ 3 февраля 1883 года за № 9, относительно порядка выдачи вдовамъ и сиротамъ умершихъ священно-церковнослужителей заслуженнаго послѣдними, по день смерти, жалованья. Въ означенномъ циркулярѣ изложено: „Нѣкоторые казначейства, какъ видно изъ увѣдомленія Святыяшаго Синода, отказываютъ въ отпускѣ вдовамъ умершихъ священнослужителей не полученнаго ими по день смерти жалованья, на неутвержденіемъ означенныхъ вдовъ въ правахъ наследства, основываясь при этомъ на 1298 ст. X т., ч. I, св. зак. гражд., по коей принадлежавшее умершему движимое имущество выдается его наследникамъ по предъявленіи ими надлежащаго свидѣтельства о правѣ на наследство. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что приведенная 1298 ст. гражд. зак. относится исключительно къ возврату наследникамъ выданныхъ изъ государственнаго банка и его конторы, а также изъ другихъ кредитныхъ установленій, и что въ данномъ случаѣ слѣдовало бы руководствоваться 33 статьею дѣйствующихъ правилъ о пенсіяхъ и пособияхъ по вѣдомству Святыяшаго Синода, по которой право, на полученіе оставшейся не выданною пенсіонеру суммы, переходитъ, по письменному удостовѣренію благочиннаго, къ вдовѣ и дѣтямъ умершаго, Министерствомъ Финансовъ, по соглашеніи съ Государственнымъ Контролеромъ и Святыяшимъ Синодомъ, постановлено: выдачу вдовамъ и сиротамъ священно-цер-

ковнослужителей заслуженнаго жалованья производить, прѣмываясь къ 33 ст. помннутыхъ правилъ, по одному лишь неизменному удостовѣренію мѣстныхъ благочинныхъ о правѣ этихъ лицъ на полученіе таковаго жалованья. 6) вышеназванному департаменту Государственнаго казначейства дать знать Казеннымъ Палатамъ, для соответственныхъ распоряженій по подвѣдомственнымъ имъ казначействамъ*. (Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ, № 6, отъ 9 февраля 1883 г.) Приказали: о составленіи въ Министерствѣ Финансовъ по департаменту Государственнаго казначейства распоряженій о порядкѣ выдачи вдовамъ и сиротамъ священно-церковнослужителей заслуженнаго послѣдними жалованья, для свѣдѣнія и зависащихъ со стороны епархіальныхъ Преосвященныхъ распоряженій, объявить по духовному вѣдомству чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, въ редакцію которого и сообщить для его выписку изъ настоящаго журнала.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

О вѣтрахъ къ предупреденію кражи изъ церквей.

По поводу донесенія однимъ изъ благочинныхъ Харьковскаго епархіи о кражѣ 80 р. денегъ изъ сельской церкви, Харьковскимъ Духовною Консисторіею опредѣлено: Въ виду часто повторяющихся въ послѣднее время кражъ изъ церквей, духовенству всей епархіи чрезъ „Епархіальныя Вѣдомости“ предписать: 1) наблюдать чтобы окна, находящіеся въ нижнемъ ярусѣ въ церквахъ, имѣли крѣпкія желѣзныя рѣшетки; чтобы двери церковныя были желѣзныя, или же изъ крѣпкаго дерева и окованы желѣзомъ съ надѣлками замка, внутреннии и вѣнчани; чтобы алтарныя двери были непрѣтны съ замками и запорами (см. указъ Святышаго Синода 4-го декабря 1830 г.); чтобы ключи отъ церкви хранились у священника (указъ Святышаго Синода 4-го сентября 1821 г.) 2) въ точности исполнять указы Святышаго Синода 29-го октября 1865 г., 29-го апрѣля 1866 г., 15-го октября 1869 г., 9-го сентября 1873 г. и др., которыми строгаѣше воспрещается, согласно Высочайшему повелѣнію, оставлять при церквахъ наличныи деньгами болѣе 100 р. и предписывается кошелекыи сумки свѣче 100 р. вносить для вриращенія процентамъ въ Государственныя кредитныя учрежденія на имя церквей, а могущие оказаться у церквей билеты внутренниихъ съ выигрышами займовъ неотложно передавать, подъ росписку на имя церквей, для храненія въ мѣстное отдѣленіе Государственнаго Банка; 3) устроить помѣщенія для сторожей или подъ колокольнею (ст. 230 т. XIV), или отдѣльно въ оградѣ; 4) напикать, совмѣстно съ сельскими обществами, сторожа или караульничковъ изъ лицъ вполнѣ благонадежныхъ, руководствуясь при этомъ правдами, выраженными въ 1570 ст. т. X ч. I. Свод. Зак. над. 1857 г., въ которой говорится: „назначивъя сторожъ дворъ, или что либо другое, и давшии въ томъ себѣ поручительство, обязанъ удовлетворить хозяина за покражу, учиненную у него во время стражи. Если же оны не въ состояніи вознаградить наняателя за причиненный покражею убытокъ, то взысканіе обращается на поручителей“; 5) наблюдать чтобы причетники и сторожа церковные внимательно осматри-

вали церковь какъ при вхождѣ въ нее, такъ и при выхождѣ; при чемъ обращали бы особенное вниманіе на исправность запоровъ; 6) не употреблѣть церковныи сторожей и караульничковъ для домашнихъ послугъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, подвергнуться за это строгой ответственности, а саиныхъ сторожей и караульничковъ обязывать тщательню охранѣть церковь, чрезъ обходъ оной, сколько можно чаще, особенно въ ночное время, безъ проваводства при этомъ колокольнаго звона, исключая бывающихъ буръ и жителей, когда звонъ долженъ служить сигналомъ для спасенія заблудившихся; 7) наблюдать за исправностию караула въ различное время дня и ночи.

Епархіальныя увольненія.

— Заштатный протоіерей *Андрей Канустинъ* уволенъ отъ должности законоучителя Волчанскаго городского приходскаго училища, а мѣсто его утверждены въ сей должности священникъ подгородней г. Волчанска слободы *Александръ Чернышскій*.

— Священникъ *Андрей Титовъ* утвержденъ въ должности законоучителя Пришибскаго народнаго училища.

— Настоятельское мѣсто въ с. Петровскомъ, Изюмскаго уѣзда, представлено окончившему курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи *Вениамину Касьянову*.

— Псалодикцу—діакону Петро-Павловскаго церкви, слоб. Ново-Бѣлгородъ, Волчанскаго уѣзда, *Димитрію Оруженскому* представлено священническое мѣсто при Христорождественской церкви, слоб. Патинцкой, того-же уѣзда.

— И. д. псалодикца Петро-Павловскаго церкви, слободы Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда *Василиемъ Сиваненко* рукоположенъ въ діакона.

— Надзиратель С.-Петербургскаго духовнаго училища студентъ семинаріи *Андрей Новоскій* опредѣленъ псалодикцомъ въ Харьковской Свѣтодусовской церкви.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Богородичной церкви, слободы Ново-Андреевск. Звѣнскскаго уѣзда, крестьянинъ *Маркъ Бедѣтнннй*; Крестовоздвиженской церкви, слоб. Вайдоровки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ *Алексѣнній Коваленко*.

Вакантныя мѣста:

Настоятеля— въ с. Поповкѣ, Купянскаго уѣзда, *псалодикца*: при Дмитріевской церкви въ с. Золотѣ Колодѣ, Изюмскаго уѣзда, и при Петро-Павловскаго церкви въ слоб. Ново-Бѣлгородѣ, Волчанскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ составъ сумки Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества въ февралѣ мѣсяцѣ сего года поступило:

1) Членскіи взносы:

Отъ протоіереевъ: *Іоанна Вертеловскаго*—3 р., *Григорія Максимова*—3 р., *Василія Яблоновскаго*—3 р., *Алексѣя Инюкова*—3 р., *Ипполита Гаурмова*—3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ—3 р. 10 к., *Іоанъ Томашанко*—3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ—10 р. 24 к., *Василія Никольскаго*—3 р. чрезъ него же отъ нѣкоторыхъ церквей

его округа—6 р., Александра Литвинова—3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ—4 р. 9 к., Петра Власова—3 р., Давида Лазаревскаго—3 р., Алексія Сильванскаго—3 р., Иоанна Рудинскаго—3 р., Иоанна Чижовскаго—3 р., Димитрія Федоровскаго—3 р., Гавриила Федоровскаго—3 р., Иоанна Федорова—3 р., Василия Леонидовскаго—3 р., Андрея Щелкунова—3 р., Аполона Ковалевскаго—3 р., Александра Федоровскаго—3 р., Николая Лашенкова—3 р., Александра Подольскаго—3 р., Марка Рокитянскаго—3 р. Отъ священниковъ: Михаила Кулимина—3 р., Михаила Селянина—3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ—7 р. 72 к., Мелетія Бывовцева—3 р., Такова Инокова—3 р., Самуила Федорова—3 р., Харлампія Федорова—3 р., Иоанна Василевскаго—3 р., Поликарпа Соболева—3 р., Алексія Федорова—3 р., П. Дюбанова—3 р., Ѳ. Оружничскаго—3 р., Д. Мошнянскаго—3 р., Никиты Шебалинскаго—3 р., Василия Тарановскаго—3 р., Петра Муравьевскаго—3 р., Василия Степурако—3 р., Михаила Котлярова—3 р., Иоанна Касьянова—3 р., Василия Артемова—3 р., Михаила Приходькова—3 р., Иоанна Шишлова—3 р., Иоанна Рудинскаго—3 р., Николая Шокотово—3 р., Петра Макаровскаго—3 р., Василия Наседкина—3 р., Василия Канутианскаго—3 р., Павла Попова—3 р., Алексія Оптовцева—3 р., Павла Титова—3 р., Петра Приходькова—3 р., Григорія Соколова—3 р., Евлампія Макушина—3 р., Василия Инокова—3 р., Гавриила Бухачева—3 р., Митрофана Матвеева—3 р., Николая Истремскаго—3 р., Василия Корнильева—3 р., Мануила Цюбульскаго—3 р., Такова Попова—3 р., Петра Измаилова—3 р., Иоанна Червонецкаго—3 р., Петра Валника—3 р., Симеона Людикормина—3 р., Петра Подлукко—3 р., Митрофана Стефановскаго—3 р., Иоанна Чебанова—3 р., Алексія Любичаго—3 р., Павла Раевскаго—3 р., Симеона Касьянова—3 р., Петра Щербини—3 р., Александра Истремскаго—3 р., Анея Любичаго—3 р., Тимофея Сапухина—3 р., Алексія Артаховскаго—3 р., Алексія Вышемирскаго—3 р., Александра Артоховскаго—3 р., Алексія Чапаева—3 р., Павла Калемитычева—3 р., Загарія Добренцаго—3 р., Максима Подлукко—3 р., Митрофана Ракиевскаго—3 р., Димитрія Зинаичаго—3 р., Феодора Тимофеева—3 р., Давида Антонова—3 р., Александра Василевскаго—3 р., Иоанна Попова—3 р., Василия Попова—3 р., Николая Гутикнова—3 р., Петра Минаина—3 р., Павла Тимофеева—3 р., Аполона Нильцева—3 р., Василия Проскурникова—3 р., Василия Лихтинскаго—3 р., Михаила Румянчева—3 р., Николая Соколовскаго—3 р., Николая Сокольскаго—3 р., Андрея Рудинскаго—3 р., Николая Моценкова—3 р., Георгія Чеботарева—3 р., Григорія Томашевскаго—3 р., Николая Пантелеймонова—3 р., Павла Григоревича—3 р., Панкратія Иванова—3 р., Стефана Покровскаго—3 р., Василия Марченкова—3 р., Владимира Волохова—3 р., Георгія Стаховскаго—3 р., Иоанна Коньчинова—3 р. чрезъ него же отъ разныхъ лицъ—2 р. 28 к., Викторя Селезнева—3 р.,

Иліи Черныява—3 р., Павла Сирятскаго—3 р., Александра Шетинскаго—3 р., Андрея Самюнова—3 р., Александра Давидова—3 р., Андрея Долженскаго—3 р., Иоанна Матвеева—3 р., Петра Краснополскаго—3 р., Алексія Лихтинскаго—3 р., Иоанна Пасквидна—3 р., Андрея Люминарскаго—3 р., Николая Рубинскаго—3 р., Симеона Флоринскаго—3 р., Александра Грыздубова—3 р., Михаила Лободовскаго—3 р., Петра Яновскаго—3 р., Иосифа Полиняка—3 р., Николая Македонскаго—3 р., Стефана Попова—3 р., Петра Новицкаго—3 р., Григорія Сапухина—3 р., Иосифа Крахатскаго—3 р., Михаила Кривоноскаго—3 р., отъ куцпа Димитрія Ивановича Сузанова—3 р., отъ куцпа Димитрія Ивановича Литварева—3 р., отъ Д. А. Савича—3 р., отъ Петра Михайловича Селянина—3 р., отъ Антонія Поликарповича Тюленева—3 р., отъ крестьянина Давида Ханина—3 р., отъ крестьянина Симеона Убода—3 р., отъ куцпа Алексія Кожеурникова—3 р., отъ крестьянина Такова Езика—3 р., отъ куцпа Петра Сушкова—3 р., отъ Есеева Крамалева—3 р., отъ Н. Попова—3 р., отъ Феодора Ширяева—3 р., отъ Кирилла Величича—3 р., отъ Константина Матюничина—3 р., отъ Антона Вильчича—3 р., отъ Дюмида Жукова—3 р., отъ Алексія Судакова—3 р., отъ Иоанна Емтуиченко—3 р., Василия Пономарева—3 р., отъ Стефана Кононенко—3 р., отъ Феодора Иванова—3 р., отъ Василия Золотарева—3 р., отъ Кирилла Блохи—3 р., отъ Александра Дубовика—3 р., отъ Павла Пономарева—3 р., отъ Артемія Величича—3 р., отъ Ивана Панкова—3 р., отъ Маріи Панковой—3 р., отъ Александра Тимофеева—3 р., отъ Елисаветы Деревякинкой—3 р., отъ Василия Тугаева—3 р., отъ Анны Тугаевой—3 р., 2) единоклассныхъ пожертвованій: отъ кладбищенской Успенской церкви г. Зілева—1 р., отъ Рождество-Богородичной церкви г. Чугуева—1 р. 20 к., и отъ крестьянина Петра Поповьолова—50 к., и 3) кружесного сбора: отъ церкви 1-го округа Изюмскаго уѣзда—27 р. 54 к., отъ церкви 4-го Старобльскаго уѣзда—41 р. 23 к., отъ церкви 3-го округа Изюмскаго уѣзда—17 р. 90 к., отъ церкви 2-го округа Зілевскаго у.,—30 р. 10 к., отъ церкви 1-го округа Старобльскаго уѣзда—36 р. 67 к., отъ церкви 2-го округа Волчанскаго уѣзда—17 р. 14 к., отъ церкви 1-го Лебединскаго уѣзда—20 р. 66 к., отъ церкви 2-го округа Старобльскаго уѣзда—26 р. 27 к., отъ церкви 1-го округа Сумскаго уѣзда—52 р. 60 к., отъ церкви 3-го округа Изюмскаго уѣзда—22 р. 84 к., отъ церкви 1-го округа Богородицкаго уѣзда—24 р. 10 к., отъ церкви 2-го округа Сумскаго уѣзда—128 р. 45 к., отъ церкви 1-го округа Зілевскаго уѣзда—29 р. 94 к., отъ церкви 1-го округа г. Харькова—66 р. 2 к., отъ церкви 1-го округа Ахтырскаго уѣзда—68 р. 69 к., отъ церкви 2-го округа Лебединскаго уѣзда—31 р. 27 к., отъ церкви 3-го округа Харьковского уѣзда—11 р. 49 к., отъ церкви 2-го округа Ахтырскаго уѣзда—9 р. 53 к., отъ церкви 4-го округа Харьковского уѣзда—20 р. 67 к. Итого въ Февралѣ мѣсяцѣ собралово—1223 р. 24 к. А съ поступившими въ январѣ мѣсяцѣ в. г.—1753 р. 65 к.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Свобода человѣческаго разума и христіанство.

(По поводу антирелигіознаго движенія, переживаемаго теперь во Франціи.)

Сравнительно давно уже существующія во Франціи враждебныя отношенія между государственною властію и католическою церковью, какъ извѣстно, въ послѣднее время съ изумительною быстротою перешли въ открытую, рѣшительную, ожесточенную борьбу правительства уже не съ церковью только, но и съ религіей вообще. Въ послѣднее время дѣтели существующей теперь во Франціи „третьей республики“ сдѣлали предметомъ своихъ нападеній, притѣвленій и насилій не одно только то, что относится къ учрежденіямъ, свойственнымъ католической церковной жизни, но и все, что составляетъ удовлетвореніе насущныхъ потребностей религіозной жизни вообще. Заявивши сначала свою антирелигіозную дѣятельность въ насильственномъ изгнаніи католическихъ монашескихъ общинъ изъ ихъ мирныхъ обителей, нашедшихъ себѣ пріютъ на территоріи Франціи, правительственная власть третьей республики, какъ извѣстно, подняла затѣмъ открытое гоненіе на все символы и эмблемы религіи, изгнала религію изъ общественной школы и, повидимому, поставила своею задачею покончить все счеты съ религіей и водворить такой порядокъ общественной и государственной жизни, при которомъ-бы ни что уже не напоминало о существованіи и даже самомъ имени религіи. По крайней мѣрѣ, не далѣе какъ въ концѣ 1881 года, одинъ государственный человѣкъ Франціи (Поль Беръ), бывшій министръ народнаго просвѣщенія, занимающій видное мѣсто и въ науцѣ, на одной публичной бесѣдѣ торжественно и усиленно доказывалъ, что „форма разумнія, именуемая религіей, отжила де свой вѣкъ и осуждена исчезнуть“. Во всемъ этомъ, очевидно, представляется такое явленіе нашего времени, предъ которымъ нельзя не остановиться въ грустномъ недоумѣніи. Мы, само собою разумѣется, не можемъ допустить мысли, чтобы христіанская религія въ наше время дѣйствительно находилась въ такой опасностѣ, которая-бы грозила ей полнымъ исчезновеніемъ изъ жизни народной;—по непреодолимому обѣщанію Самого божественнаго Основателя Христіанства, христіанской религіи принадлежитъ вѣчное существованіе и нравственное господство на землѣ; такимъ образомъ на все переживаемое теперь антирелигіозное движеніе мы должны смотрѣть не иначе, какъ только на временное,

переходное состояніе. Но все-же это состояніе, несомнѣнно, очень опасное; и именно, въ виду его невольно возникаетъ грустная мысль: не вызоветь-ли это современное отчужденіе отъ христіанской религіи рано или поздно, въ наше время или послѣдующее, сильное потрясеніе общественной жизни, приведетъ-ли оно человѣчество къ тѣмъ страшнымъ общественнымъ бдѣствіямъ, къ тѣмъ убійственнымъ нравственнымъ страданіямъ, воли которыхъ исторія передаетъ намъ изъ прошедшихъ временъ....

Эта происходящая теперь ожесточенная борьба съ религіей хотя имѣетъ свое сосредоточеніе въ странѣ стоящей къ намъ, но нельзя не признать, что она не остается безъ вліянія и на наше общество. Франція несомнѣнно есть такая страна, которая въ отношеніи образованія издавна шла впередъ другихъ странъ Европы, которая и теперь впередъ всѣхъ несетъ знамя того просвѣщенія, которымъ такъ гордится современное человѣчество. Это то знамя и увлекаетъ теперь многихъ, подѣ это то знамя и стремятся стать теперь многие, перехода въ лагерь противниковъ Церкви и религіи и воображая себѣ, что не слѣдуетъ за этимъ знаменемъ—значило-бы показатъ себя людьми „отсталыми отъ современнаго прогресса.“ Само собою разумѣется, что это увлеченіе печальнымъ примѣромъ „просвѣщенной страны“ сплошь и рядомъ бываетъ совершенно слѣпымъ и безотчетнымъ, но за то, очевидно, тѣмъ болѣе грустнымъ. Вотъ почему передъ этимъ явленіемъ нашего времени, которое мы назвали антирелигіознымъ движеніемъ, нельзя не остановиться съ тѣмъ, которымъ размышленіемъ... Потокъ современнаго невѣрія или безбожія имѣетъ пока еще, можно сказать, мѣстное сосредоточеніе, но достаточно, чтобы онъ приобрѣлъ нѣкоторую стремительность и широту, и онъ уже самъ собою, силою собственного теченія, можетъ распространяться и готовъ будетъ поглотить все, что ему встрѣтится на пути. Вотъ почему теперь всѣмъу своевременно оглянуться и благоразумно поосторожиться, чтобы не быть увлеченнымъ этимъ злоувѣщимъ и разрушительнымъ потокомъ.

Если мы спросимъ откуда вышло это современное движеніе, враждебное христіанской религіи, то должны признать, что источникъ его несомнѣнно лежитъ въ томъ направленіи современнаго просвѣщенія, которое съ нѣкоторыхъ поръ высшимъ началомъ всего—и знанія и жизни провозгласило полную, личнымъ не стѣняемую, безусловную свободу человѣческаго разума. Утвердить *исключительное* господство разума въ человѣческой жизни—вотъ, несомнѣнно, та цѣль, къ которой направляется такъ назыв. „со-

временный прогресс"; полная свобода знания, мысли и совѣсти—вотъ краткая программа всѣхъ приверженцевъ этого прогресса. Во имя этой-то свободы и всѣхъ естественныхъ правъ человѣческаго разума „современное“ просвѣщеніе и становится во враждебное отношеніе къ Церкви и религіи, полагая, что вѣра, которой они требуютъ, и разумъ, которому теперь поклоняются, суть начала совершенно противоположныя одно другому, что вѣра, исключая возможность научной и свободной дѣятельности разума и свободнаго разумнаго направленія жизни, что она только стѣсняетъ то и другое. Вожди „современнаго“ просвѣщенія поэтому провозглашаютъ, что „чѣмъ болѣе народы будутъ удалены отъ религіи, тѣмъ болѣе они будутъ прогрессировать“ (Поль Беръ); что въ наше время „самое важное и плодотворное дѣло, это—развитіе того основнаго капитала, который дала намъ природа и который называется разумомъ;“ что каждому человѣку, который является на сѣнь Божій, нужно дать этотъ первый изъ всѣхъ капиталовъ, съ помощью котораго можно завоевать другіе, и что единственною религіею, которая можетъ существовать въ наше время, должна быть „религія интеллектуальной культуры“ (изъ рѣчи Гамбетты, произнесенной во французской палатѣ депутатовъ въ 1881 году).

Вотъ что провозглашается нынѣ и повторяется на разные лады представителями современнаго движенія въ наукѣ и жизни. И, надо сказать, высказывалась это съ такою рѣшительностію, смѣлостію и такою вѣжущею силою убѣжденія, что можно подумать, будто дѣло идетъ о какихъ-нибудь непреложныхъ аксіомахъ, противъ которыхъ невозможно поднимать и голоса,—будто всѣ эти положенія современнаго невѣрія покоятся на какихъ-нибудь точныхъ, несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ и указаціяхъ жизни, или на какихъ-либо неоспоримыхъ логическихъ доказательствахъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, для всѣхъ этихъ положеній мы напрасно стали-бы искать какихъ-либо серьезныхъ оснований.

Наиболѣе обычное и чаще всего повторяемое мнѣніе, выходящее изъ лагеря противниковъ религіи, то, что ученіе христіанства для современнаго состоянія человѣческой жизни и знанія оказывается уже непригоднымъ, устарѣлымъ, недостаточнымъ,—что оно теперь только стѣсняетъ свободный ходъ развитія человѣчества. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, современный міръ настолько подвинулся на пути жизни и знанія, чтобы придти къ такому выводу? Всякое ученіе можетъ быть признано неудовлетворительнымъ, безъ сомнѣнія, только тогда, когда жизнь вполнѣ вечерпаетъ его и, требуя чего-нибудь лучшаго, новаго, побуждаетъ человѣческій умъ идти впередъ и

дальше; но такою-ли представляется намъ жизнь современнаго человѣчества?

Правда, нынѣ многіе любятъ похваляться тѣми высокими началами, которыя, какъ говорятъ, „помимо Церкви и религіи,“ внесло въ жизнь современное просвѣщеніе и которыми оно будто-бы далеко опередило христіанскую религію,—тѣми началами, которыя въ послѣднее время, какъ говорятъ, безъ Церкви и религіи произвели будто-бы рѣшительный переворотъ въ человѣческой жизни, возвысивши и обогативши ее на столько, на сколько не могла сдѣлать этого религія при всемъ своемъ многообразномъ существованіи и господствѣ. Нынѣ, напр., любятъ указывать на начала „равенства и братства“, „гуманности и справедливости“ и другія высокія понятія, которыя выставляются за плоды современнаго просвѣщенія и отъ вліанія которыхъ на человѣческую жизнь ставятся въ зависимость многія уже происшедшія измѣненія въ ней и въ будущемъ ожидается несомнѣнное—все болѣе и болѣе измѣненіе ея въ лучшее. И такъ нельзя не видѣть, что „современное“ просвѣщеніе не задумывается приписывать себѣ, и конечно только одному себѣ, многія великія и благотворныя вліанія на современную жизнь. Но справедливо-ли это?

Всматриваясь въ дѣло ближе, нельзя не признать, что въ сущности во всемъ этомъ высказываются одни совершенно неосновательныя притязанія современнаго просвѣщенія. Въ сущности такъ называемый „современный прогрессъ“ самъ по себѣ ничего великаго и благотворнаго не сдѣлалъ для человѣческой жизни, не указалъ никакого новаго, самостоятельнаго животворнаго начала для нея; а все, чѣмъ она дѣйствительно можетъ хвалиться, все, что дѣйствительно дало жизни благія преобразованія, всѣ лучшія дѣла современной человѣческой жизни,—все это несомнѣнно вышло изъ религіи и произведено вліаніемъ на міръ христіанскаго Откровенія. Во всѣхъ лучшихъ своихъ сторонахъ такъ назыв. прогрессъ несомнѣнно отразилъ на себѣ вліаніе тѣхъ-же христіанскихъ истинъ, божественный источникъ которыхъ она отвергаетъ; и надо сказать, что она самъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не можетъ не сознаться въ несомнѣнной благотворности многихъ изъ этихъ истинъ и не скрываетъ, что прямо пользуется ими. При этомъ, если и можно приписать современному прогрессу—самому по себѣ—что либо новаго, самодѣльнаго, то несомнѣнно только одну ту порчу, одно то искаженіе, какія она сообщила нѣкоторымъ возвышеннымъ началамъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, наприм., проповѣдуемые теперь: „гуманность“, „равенство и братство“ и т. п.? Могутъ-ли они стать въ какое-нибудь срав-

неніе съ чистыми и возвышеннѣйшими понятіями христіанства о любви, о равенствѣ? и не представляють-ли они въ сущности только превращеніе этихъ возвышенныхъ понятій христіанства въ тѣ естественныя понятія, какими жило человѣчество, не просвѣщенное Откровеніемъ? Гуманность, которая проповѣдывается теперь, есть гуманность холодная, бездушная, которая несколько не мѣшаетъ людямъ ненавидѣть и убивать другъ друга; это вовсе не та возвышенная любовь къ человѣчеству, которую проповѣдуетъ христіанство, любовь безкорыстная, соединенная съ дѣятельнымъ самоотверженіемъ ради блага другихъ. Равенство, о которомъ возбѣщается въ современномъ мірѣ, есть равенство только общественное,—въ порядкахъ мірскаго управленія, то равенство, которое несколько не мѣшаетъ теперь одной партіи людей захватывать въ свои руки все привиллегіи и власть, съ тѣмъ, чтобы тѣснить и угнетать всякаго, кто не можетъ примкнуть къ ней; это опять далеко не то равенство, духовное, благодатное, о которомъ говоритъ Евангеліе. Въ этихъ-ли началахъ, проповѣдываемыхъ теперь, хотая видѣть силу и благородство человѣческой жизни? Не въ нихъ-ли, напротивъ, порча и разрушеніе ея? И развѣ мы не видимъ, какъ подъ знаменемъ прогресса современная проповѣдь о гуманности, равенствѣ и проч. съ логическою послѣдовательною переходить въ проповѣдь о насиліи, разрушеніи и человекоубійствѣ, и какъ эта проповѣдь все болѣе и болѣе расширяетъ кругъ своего вліянія? Можно-ли послѣ этого сказать, что современная жизнь уже исчерпала все плодотворность начала христіанства, что она опередила его и нуждается въ замѣнѣ началъ его лучшими началами? Не шагъ-ли къбъ, напротивъ, *очень далеко отсталъ* отъ ученія христіанства?

Итакъ, совершенно несомнѣтельнымъ нужно признать мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ христіанство ученіемъ уже устарѣвшимъ для современной жизни. Теперь спросимъ, можетъ быть болѣе справедливымъ мнѣніемъ признать мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что современное знаніе, современная наука дошли до такого состоянія, что необходимо разрушаютъ религіозную вѣру? Дѣйствительно, многие нынѣ стараются увѣрить насъ въ этомъ и можно сказать, что зтоль предразсудокъ бродитъ нынѣ по улицамъ. Но это вовсе не потому, чтобы современная наука, въ лицѣ какихъ нибудь видныхъ своихъ представителей, дѣйствительно отвергла религіозную вѣру. Правда, многие нынѣ стараются выставить безбожіе даже синонимомъ науки; но истинная наука до сихъ поръ не нашла еще никакого основанія отрицать существованіе Бога и никогда, разумѣется, и не будетъ имѣть этого основанія. Все это увѣреніе современнаго невѣрія, будто

строгое и точное научное знаніе ведетъ само собою къ отрицанію религіи, вытекаетъ только изъ полужнанія, есть плодъ споросязанныхъ выводовъ и соображеній, проповѣдуемыхъ тѣми, кто рассчитываетъ на одно невѣжество наивной толпы; и все несчастье теперь въ томъ, что находится простодушныхъ людей, которые увлекаются авторитетомъ этихъ, къ счастью пока немногихъ, мнимыхъ людей науки, злоупотребляющихъ своимъ положеніемъ и великимъ именемъ науки, заставляющихъ ее говорить то, что она не говоритъ. *Истинная наука* хорошо сознаетъ предѣлы доступнаго человѣческому разуму знанія,—она сознаетъ, что не смотря на всѣ успѣхи ея въ изслѣдованіи естественныхъ законовъ, объясняющихъ явленія творенія, многое еще остается за предѣлами ея познанія, что „первый принципъ, двигательная сила, живительное свойство, дѣйствующія причины тѣхъ послѣдовательныхъ явленій, которыя мы называемъ естественными законами, ускользаютъ отъ всѣхъ успѣихъ ея изслѣдованія (Левки. Истор. возникн. и разв. раціон. въ Европѣ, т. I, с. 230), и предполагать поэтому, что успѣхи положительной науки удаляютъ изъ творенія позаніе о сверхъ-чувственномъ, о первой причинѣ, о Богѣ, давая всему естественнаго объясненія, значить совершенно не знать сферу и предѣлы, которыми эти успѣхи ограничены. На какомъ же основаніи, послѣ этого, нынѣ иныякоторые стараются увѣрить, что наука въ современномъ развитіи прямо и неизбежно ведетъ къ отрицанію Бога и къ разрушенію религіозной вѣры? Да и на какую такую науку, въ частности, могутъ указать эти распространители безбожія, которая, хотя бы когда нибудь, пришла къ отрицанію вѣры въ Бога, къ отрицанію религіозной идеи? По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, до этого не шла одна изъ существующихъ теперь наукъ. Наконецъ, гдѣ среди истинныхъ представителей современнаго научнаго знанія можно указать такихъ ученыхъ, которые бы, во имя той или другой науки, проповѣдывали безбожіе? Напротивъ, все первостепенные ученые, все гениальныя естествоиспытатели и новаго и стараго времени, дѣйствительно обогативше науку и расширивше область человѣческаго знанія, были и есть люди вѣрующіе, ясно сознававшие предѣлы своей науки. Изъ современныхъ представителей научнаго знанія достаточно указать въ примѣръ на извѣстнаго французскаго естествоиспытателя—Пастера, первокласснаго авторитета въ области естествознанія, всю жизнь свою посвятившаго изученію природы, обогатившаго науку великими открытіями и въ наши дни бесспорно занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ среди ученыхъ всего міра. Являясь несомнѣемымъ авторитетомъ въ области естествознанія, Пастеръ, благодаря сво-

ему серьезному и плодотворному труду для блага человечества, приобрести себѣ право на глубокое уваженіе не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ. Слова и мнѣнія его, поэтому, не могутъ не имѣть высокаго значенія для его современниковъ; вотъ по чему мы не можемъ удержаться, чтобы не сослаться на нихъ. Не далѣе, какъ въ прошедшемъ году, этотъ знаменитый естествоиспытатель торжественно, предъ лицомъ всѣхъ передовыхъ ученыхъ Франціи, въ своей академической рѣчи, отъ имени науки выступилъ рѣшительнымъ противникомъ ученія материализма и послѣдней философской теории позитивизма и при этомъ открыто заявлялъ о своей вѣрѣ въ Бога. „Что касается меня, высказываю я, то я спрашиваю себя: во имя какого новаго философскаго, или научнаго открытія можно исторгнуть изъ души человеческой эти возвышенныя заботы, которыя налагаютъ религиозныя вѣрованія?“ „Сущности ихъ кажется мнѣ вѣчною, такъ какъ они являются истеченіемъ той тайны, которая облекаетъ вселенную и которая по природѣ своей также вѣчна“. Касаясь въ частности положеній позитивизма, Пастеръ высказываетъ: „проблѣ этой системы состоитъ въ томъ, что она въ своемъ позитивномъ представленіи о мѣрѣ совершенно не принимаетъ въ расчетъ самаго важнаго позитивнаго понятія, понятія о *бесконечномъ*... ибо понятіе о бесконечномъ имѣетъ тотъ двойной характеръ, что оно въ одно и тоже время неоспориимо и неопровержимо... Я всюду вижу въ мѣрѣ неизбежное выраженіе этого понятія о бесконечномъ. Благодаря ему, въ глубинѣ всѣхъ сердецъ находится сверхъестественность. Пока тайна бесконечнаго будетъ владѣть надъ человеческою мыслию, будутъ сооружаться храмы для поклоненія бесконечному, какъ бы Богъ ни назывался. И на каменныхъ плитахъ этихъ храмовъ вы увидите людей на колѣняхъ, поверженныхъ долу, углубившихся въ мысль о бесконечномъ“... Въ заключеніи своей рѣчи Пастеръ восклицаетъ: „Счасливъ тотъ, кто доситъ въ себѣ Бога, и кто Ему повинуется!“ Въ этой-же рѣчи, между прочимъ, Пастеръ съ особеннымъ сочувствіемъ и хвалою отзывался о знаменитомъ англійскомъ естествоиспытателѣ Фарадѣѣ, который, также на одномъ изъ публичныхъ чтеній, сказалъ о себѣ: „понятіе о Богѣ и почитаніе Его доходитъ до моего ума столь же вѣрными путями, какъ тѣ, которые насъ ведутъ къ истинамъ порядка физическаго“ (Пастеръ о позитивизмѣ, Москов. Вѣд. № 117, 1882).

Итакъ, вотъ каковы заявленія первоклассныхъ представителей строгаго научнаго знанія. Но на эти заявленія нигдѣ или совсѣмъ не обращается вниманіе, или оно обращается только съ тѣмъ, чтобы подвергнуть осмѣянію и осужденію тѣхъ, кто осмѣивается

теперь, въ наши дни, такъ открыто высказывать ихъ (см. напр. отзывъ о рѣчи Пастара въ „Голосѣ“, № 106, 1882). Напротивъ, нигдѣ съ какою-то непопятною жадностію ловятся все даже двусмысленныя фразы и различныя случайно высказанныя и чисто гадательныя положенія, исходящія изъ *ученого* міра и заключающія въ себѣ какую нибудь только тѣнь неблагоприятнаго для религіи отношенія къ ей вопросамъ. И эти фразы, эти положенія, обыкновенно до крайности раздутыя и преувеличенныя, выдаются теперь зачастую за какія-то несомнѣнныя догмы, за непреложныя аксіомы современнаго знанія. Достаточно бываетъ въ наше время, чтобы являлся какая нибудь научная теорія, которая-бы своими положеніями, хотя въ малѣйшей степени, расходилась съ установленнымъ, обычнымъ пониманіемъ явленій физическаго міра или человеческой жизни, и вотъ эта теорія тщательно изучается, объясняется, толкуется и нерѣдко прямо *доплавляется*,— все это съ тѣмъ, чтобы открыть въ ней какое нибудь несогласіе съ догматами и ученіемъ вѣры. При такихъ условіяхъ, понятно, цѣль достигается легко,—искомое несогласіе *открывается*, и вотъ люди наивные, люди, самостоятельно несособные ни во что вдумываться и ни до чего додумываться, люди, живущіе только готовыми, чужими мнѣніями, доверчиво принимаютъ эти *мнимые* выводы и открытія науки за дѣйствительное и послѣднее слово ея и переходятъ въ лагерь мимо *убѣжденныхъ* противниковъ вѣры. Нигдѣ, напр., нѣкоторые любятъ смсылать на ученыхъ исследованій современныхъ намъ: натуралиста—Дарвина и представителя позитивизма—Литтре, какъ на такія, которыя будтобы, на основаніи точныхъ данныхъ науки, заключаютъ въ себѣ прямое опроверженіе религиознаго міровоззрѣнія. Для той неблагоприятной фальши, въ которой прибѣгаютъ нигдѣ проповѣдники невірія и на которую мы только что указали, нельзя представить примѣра болѣе яснаго, чѣмъ какой представляется намъ въ этомъ случаѣ: когда и гдѣ, спросимъ мы тѣхъ, кто сколько нибудь знакомъ съ сочиненіями Дарвина и Литтре, эти ученые высказывали свое отрицаніе религіи? Гдѣ и когда Дарвинъ являлся защитникомъ атеизма и выражалъ что нибудь несогласное съ приведенными воззрѣніями Пастара? Дарвинизмъ, въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ у насъ, вовсе не извѣстенъ былъ самому Дарвину и развитъ былъ такими его послѣдователями, которые не сумѣли удержаться на той строгаго научной почвѣ и границѣ, на которой стоялъ самъ Дарвинъ. Что касается позитивныхъ воззрѣній Литтре, то хотя они дѣйствительно въ вѣкторныхъ случаяхъ расходятся съ ученіемъ религіи, все-же относительно этого ученаго утвердилось совершенно ложное мнѣніе, будто

онъ былъ „рѣшительнымъ и невозмутимымъ атеистомъ“. Религіозная вѣрванія другихъ людей не были для него безразличны. „Я слишкомъ ясно отдаю себѣ отчетъ, говорить о себѣ Литтре, въ страданіяхъ и затрудненіяхъ человѣческой жизни, что-бы желать лишить кого-бы то ни было тѣхъ убѣжденій, которыми поддерживаютъ его въ различныхъ испытаніяхъ“. Онъ не отрицаетъ ни существованія Бога, ни безсмертія души; онъ только не поднимаетъ вопроса объ этомъ существованіи, такъ какъ заявляетъ, что невозможно доказать его научнымъ образомъ.— Ко всему этому добавляетъ, кажется, нечего; изъ сказаннаго самъ собою вытекаетъ тотъ выводъ, что все современное движеніе, враждебное религіи, не имѣетъ для себя никакого сколько нибудь достаточнаго оправданія и совершенно напрасно старается нѣкоторые видѣть это оправданіе въ какой-то отсталости христіанства отъ современнаго состоянія человѣческаго знанія и жизни.

(Продолженіе будетъ).

Самовоспитаніе.

(Психологическій очеркъ).

Нельзя не признать, что однимъ изъ важнѣйшихъ недуговъ, какимъ страдаетъ общественная жизнь въ наше время, является какая-то нетвердость, шаткость въ самыхъ основахъ общественной дѣятельности человѣка. Различныя печальныя явленія общественной жизни, обнаруживающіяся въ послѣднее время, ясно показываютъ, что въ основаніи общественной дѣятельности человѣка очень часто совершенно недостаетъ сознанія какихъ либо твердыхъ началъ,—что эта дѣятельность весьма рѣдко опредѣляется одною какою-то простою *случайностію*. Тѣмъ болѣе нельзя не признать справедливыми жалобы, что нынѣ какъ-то мало стало истинныхъ, безорыетныхъ, стойкихъ, самоотверженныхъ дѣятелей во имя высшаго, нравственно—христіанскаго начала жизни; у многихъ и очень многихъ вся жизнь обращается въ одну погоню только за случайными, мимолетными житейскими интересами, которые, свачала обольщая людей обещаніемъ различныхъ житейскихъ благъ, въ концѣ концовъ, какъ обманчивые блуждающіе огоньки, естественно не приводятъ ихъ ни къ какому истинному удовлетворенію. Оттого такимъ частымъ явленіемъ стало теперь проглядывающее во всемъ какое-то недолговѣежіе, оттого рѣдко такъ рано человѣкъ начинаетъ испытывать разочарованіе въ ней. Насколько при этомъ страдаетъ личная жизнь людей, настолько же естественнымъ образомъ—должно терпѣть отсюда и общественное благосостояніе. При

той невѣрности, съ какою идетъ человѣкъ въ жизни, при зыбкости той почвы, на которой онъ стоитъ въ ней, не руководимый никакимъ твердымъ жизненнымъ началомъ, совершенно понятною становится та легкость, съ какою человѣкъ, прямо въ ущербъ общественному благосостоянію, поддается различнаго рода *искусствѣямъ*, представляющимъ ему въ разныхъ родахъ его общественной дѣятельности.

И что всего вреднѣе для здороваго проявленія общественной жизни—это входящая въ убѣжденіе многихъ мысль, будто иначе и быть не можетъ, будто человѣческая жизнь есть прямо необходимый продуктъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ бываетъ поставленъ человѣкъ: не человѣкъ-де, говорятъ, виновать въ различныхъ грѣхахъ его личной или общественной жизни, человѣкъ является тутъ только простою несчастною жертвою *стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ*.

Нѣтъ ничего фальшивѣе этой мысли. Совершенно невѣрно думать, будто судьба человѣка, независимо отъ него самого, опредѣляется одними только условіями его жизни. Собственное сознаніе всякаго и всякому, кто только захочетъ прислушаться къ нему, ясно показываетъ, что эта судьба, по крайней мѣрѣ въ большей части, зависитъ отъ собственной воли человѣка, что человѣкъ, въ большей части, всегда есть то, „чего онъ хочетъ и что попускаетъ“. Правда, въ жизни человѣка совершается очень много и безъ его содѣйствія и даже совершенно вопреки его желаніямъ, но и это можетъ оказать такое или иное вліяніе на жизнь только въ зависимости отъ того, какъ человѣкъ вздумаетъ воспользоваться этимъ, какое онъ самъ захочетъ занять положеніе относительно этого. Рѣдко, напр., случается, что человѣкъ, прошедши то или другое поприще жизни, очень рѣдко измѣняется и въ своемъ образѣ мыслей, и въ своемъ характерѣ; но мы всегда напрасно стали бы искать причину этой перемены только въ однихъ обстоятельствахъ жизни. Если првсмотреться къ дѣлу ближе, всегда окажется, что человѣкъ самъ себя измѣняетъ, что жизнь сама по себѣ не представляетъ какой либо рѣшающей силы въ дѣлѣ духовнаго преобразованія человѣка, что она воспитываетъ его только потому, что человѣкъ „самъ захотѣлъ отъ ней себя на воспитаніе“. Безспорно, это самовоспитаніе человѣка въ жизни не есть дѣло совершенно произвольное и свободное отъ всякихъ постороннихъ вліяній; какъ развитіе ума всегда стоитъ въ зависимости отъ даннаго матеріала, какой человѣкъ находитъ для него вокругъ себя, такъ и самовоспитаніе совершается не безъ вліянія со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ и условій жизни. Но вся зависимость человѣка отъ этихъ обстоятельствъ и условій проявляется всегда

лишь настолько, насколько человекъ находить ихъ вокругъ себя готовыми, насколько онъ не въ состояніи бываетъ измѣнять ихъ природы, сдѣлать ихъ тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось-бы, насколько поэтому онъ долженъ пользоваться ими только въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются ему; но какъ онъ *отнесется* къ этимъ обстоятельствамъ, какою при этомъ избересть предметъ для своей дѣятельности и какое дастъ ей направленіе,—во всемъ этомъ собственная воля человека представляетъ рѣшающую силу. Безспорно, что различныя житейскія обстоятельства могутъ иногда и ослабить человека, могутъ склонить его къ дѣятельности вопреки его собственнымъ наклонностямъ, но и въ этомъ случаѣ они приобрятаютъ такое господство надъ человекомъ, несомнѣнно, только съ соизволенія самого человека. Различныя подвиги мужества и самоотверженія, засвидѣтельствовавшіе въ человѣческой исторіи, повязываютъ, что человекъ иногда можетъ противиться самымъ могущественнымъ, самымъ гнетущимъ побужденіямъ обстоятельствъ жизни.

Но насколько, такимъ образомъ, очевидно, что судьба жизни человѣческой существенно зависитъ отъ самого человека, отъ его собственного самоопредѣленія и самодѣятельности, настолько же несомнѣнно и то, что лучшее, достойнѣйшее направленіе своей жизни можетъ дать самъ же человекъ посредствомъ лучшаго, наиболѣе дѣлсообразнаго, наиболѣе достойнаго употребленія своихъ силъ въ избранной имъ сферѣ дѣятельности. Человѣческая природа въ совокупности своихъ силъ и способностей представляетъ очень сложную организацію,—она проявляетъ множество разнообразныхъ потребностей, изъ которыхъ каждая можетъ требовать своего удовлетворенія, почти каждая—въслѣдствіе особеннаго вниманія къ ней—можетъ стать основаніемъ для образованія соотвѣтствующей ей склонности и каждая, такимъ образомъ, можетъ оказывать то или другое вліяніе на складъ цѣлой жизни. И безъ сомнѣнія, въ этомъ коренится причина того, что жизнь человѣческая въ дѣятельности принимаетъ безконечно разнообразныя теченія; собственно говоря, нельзя и обнять тѣ многочисленныя пути, по которымъ могутъ направляться эти теченія,—но само собою разумѣется, что далеко не каждый изъ этихъ путей ведетъ человека къ лучшей, достойнѣйшей участи. При какомъ же условіи эта участь можетъ быть обезпечена для человека? Въ чемъ же именно нужно видѣть наиболѣе дѣлсообразное, наиболѣе достойное употребленіе со стороны человека его силъ на всякомъ открывающемся ему жизненномъ поприщѣ?

Какъ бы что ни говорили разные моралисты о началахъ и цѣляхъ практической дѣятельности чело-

вѣка, несомнѣнно, что въ общемъ ходѣ человѣческой жизни главнымъ образомъ управляетъ сердце. Общее практическое значеніе этой способности души состоитъ въ томъ, что она служитъ источникомъ человѣческаго счастья или несчастья, и въ этомъ отношеніи, въ видѣ тѣхъ или другихъ чувствованій, изъ нея исходятъ послѣднія побужденія для всей дѣятельности человека. „Все, что мы изъ дѣлаемъ, мы дѣлаемъ по внушенію нашихъ чувствованій“, и самыми главными изъ побужденій нашей дѣятельности являются, безъ сомнѣнія, чувства удовлетворенности или неудовлетворенности, чувства довольства или недовольства, чувства пріятнаго или непріятнаго,—разумѣется, мы беремъ здѣсь эти чувствованія не въ одномъ, узкомъ эгоистическомъ ихъ смыслѣ. Въ этихъ чувствованіяхъ дана человеку самая могущественная пружина для всякой дѣятельности, въ нихъ коренится и побужденіе къ дѣятельности, они же даютъ собою и отпѣку для нея, такъ что мысль о существованіи въ человѣческой жизни чего либо безусловно цѣннаго, что не обнаруживало бы для человека своей цѣнности способностью вызывать чувство удовлетворенія, удовольствія,—такая мысль должна быть признана вполне несостоятельною, совсѣмъ не отвѣчающею указаніямъ дѣятельности. Такимъ образомъ ясно, что нельзя согласиться съ тѣмъ суровымъ (ригористическимъ) ученіемъ о началахъ человѣческой дѣятельности, которое стремится освободить эти начала отъ всякихъ соображеній съ собственными влеченіями и отзывами сердца самого дѣйствующаго лица, которое стремится порвать ту ясную и неотрывную связь, какою обыкновенно бывають соединены предметы или дѣла сами въ себѣ достойные съ чувствомъ удовлетворенія, высокаго личнаго удовольствія, какое они вызываютъ въ лицѣ дѣйствующаго. Требовать вообще, какъ дѣлаетъ указанное ученіе, чтобы сердце человѣческое отпадало отъ всякаго участія въ ходѣ жизни, несомнѣнно значило бы требовать противоестественнаго; доколѣ человекъ есть существо, обладающее не одною только разумною волею, но и способное къ отзывамъ сердца, къ чувствамъ радости и горя, удовольствія и страданія и т. п., до тѣхъ поръ очистить человѣческую дѣятельность отъ всякой примѣси чувствъ было-бы, разумѣется, чистою невозможностію; освободиться человеку отъ этихъ чувствъ—значило бы для него стать выше человѣческой природы, а опущать эти чувства и возбуждаться ими, но показывать на дѣлѣ, какъ будто бы ихъ не было, значило бы поступать жалкимъ, недостойнымъ образомъ.—Впрочемъ, все разсматриваемое ученіе пока есть дѣло только одного односторонняго человѣческаго умозрѣнія, въ дѣятельности же мы не видимъ, чтобы оно находило

себя применением; в действительности для здравого человеческого смысла всегда понятно, что по крайней мере—достоинство и законность человеческих действий не могут не соединяться с внутренним чувством удовлетворения, довольства.

Однако, тот сильно заблуждался бы, кто вздумал бы признать за всеми человеческими действиями только эту цѣдность, принадлежащую им потому, что они дают удовлетворение влеченіямъ человеческого сердца, что они суть необходимыя условія личнаго или всеобщаго довольства или счастья. Понятіе довольства, счастья, какъ норма дѣятельности, необходимо требуетъ большаго и строгаго ограниченія, какъ мысль сама по себѣ очень неполная. Никто не рѣшится выставить за достойную цѣль человеческихъ дѣйствій и стремленій счастье или довольство—вообще, не обращая вниманія на то, въ какой формѣ оно будетъ представляться и какой цѣной будетъ приобретаться, потому что въ жизни человеческой довольство, напр., можетъ иногда соединяться съ такими проявленіями дѣятельности, которая со временемъ лишена бываетъ нравственнаго достоинства; и потому сердце человеческое, ищущее довольства, счастья, само по себѣ, безъ подчиненія высшему контролю, было бы весьма ненадежнымъ руководителемъ человеческой жизни. Въ действительности—оно обыкновенно и является источникомъ многочисленныхъ человеческихъ заблужденій.

Что касается этихъ заблужденій, то общимъ и главнѣйшимъ свойствомъ ихъ является, несомнѣнно, выражающееся въ нихъ особенное пристрастіе нашего сердца къ намъ самимъ. Ко всему человѣкъ склоненъ бывать относиться такъ или иначе, главнымъ образомъ смотря по тому, какое отношеніе имѣть это—прежде всего—къ нему самому; и обыкновенно самая пустая личная выгода, самая ничтожная личная неприютность имѣютъ для человѣка гораздо большее значеніе, доставляютъ ему гораздо больше удовольствій и страданій, чѣмъ самое серьезное событіе, случающееся съ людьми, съ которыми онъ не находится въ близкихъ отношеніяхъ. Предположимъ, напр., говорить Адамъ Смиту, что обширная Китайская имперія съ ея милліоннымъ населеніемъ внезапно проваливается вълѣдѣніе землетрясенія; какое впечатлѣніе произведетъ это ужасное бѣдствіе на самого честолюбиваго европейца, не находящагося ни въ какихъ отношеніяхъ съ этой страной? И полагаю, говорить Смиту, что онъ прежде всего опечалится такимъ ужаснымъ несчастьемъ цѣлаго народа; онъ сдѣлаетъ нѣсколько грустныхъ размышленій о непрочности человеческого существованія и о суетѣ всѣхъ замисловъ и предпріятій человѣка, которая могутъ быть уничтожены въ одно мгновеніе... Но по окончаніи всѣхъ сво-

ихъ размышленій онъ обратится къ своимъ дѣламъ и къ своимъ удовольствіямъ, или отдастся разсѣянію или отходпоченію съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какъ будто бы катастрофа вовсе не случилось (Теор. нравств. чувств.). Но тогда какъ такое великое бѣдствіе цѣлаго народа такъ мало затронетъ чувство человѣка, какой нибудь незначительный непріятный случай, касающийся его лично, произвелъ бы на него насрашенію большее впечатлѣніе.—Очевидно, такъ образ., что нашимъ внутреннимъ чувствамъ свойственно такое же заблужденіе, какое принадлежитъ, напр., и нашему физическому чувству зрѣнія,—какъ для зрѣнія величина предметовъ постепенно уменьшается по степени удаленности ихъ отъ насъ—и увеличивается по мѣрѣ ихъ приближенія къ намъ, такъ и для нашихъ внутреннихъ чувствъ—все, стоящее ближе къ намъ, къ нашей собственной жизни и личности, получаетъ обыкновенно большее значеніе, и наоборотъ.

Понятно, что такое направленіе чувствъ человѣка вводитъ справедливо можно назвать заблужденіемъ и притомъ очень вреднымъ для человеческой жизни, потому что, какъ скоро оно стало бы когда нибудь господствующимъ въ жизни, вело бы только къ одному раздѣленію людей, вносило бы въ жизнь много случайнаго, произвольнаго и измѣчиваго и, такимъ образомъ, исключало бы всякую возможность установиться въ ней здоровымъ и сколько нибудь прочнымъ формамъ общественнаго поведенія. И какъ таковое, это заблужденіе человеческого сердца, очевидно, нуждается въ исправленіи.

И очевидно, что въ этому исправленію заблужденій сердца—прежде всего и должны быть направлены старанія человѣка въ дѣлѣ его самовоспитанія. Какое тутъ средство является необходимымъ для человѣка въ виду этой задачи, это яснѣе всего можно видѣть изъ того способа, какимъ мы пользуемся обыкновенно для исправленія заблужденій нашего физическаго зрѣнія. Сматра, напр., на какой нибудь отдаленный видъ и получая при этомъ своимъ зрѣніемъ значительно уменьшенное изображеніе тѣхъ предметовъ, которые теперь представляются намъ, мы не остаемся въ заблужденіи относительно дѣйствительной величины ихъ, не принимаемъ всѣ эти отдаленные предметы за очень малыея сравнительно съ тѣми, которые непосредственно окружаютъ насъ; но доходимъ до вѣрнаго опредѣленія величины ихъ, мысленно перемѣняя нашу точку зрѣнія и становясь на точку среднюю, т. е. переносимъ мысленно *въ средину разстоянія* этихъ отдаленныхъ предметовъ, которые мы рассматриваемъ, отъ тѣхъ, которые окружаютъ насъ и съ которыми мы теперь ихъ сравниваемъ. Этимъ способомъ мы обыкновенно и провѣ-

рием их действительные размеры. Опыт и привычка облегчают для нас этот процесс до такой степени, что мы производим его, вовсе не замечая этого. — Подобным же образом мы имеем возможность устранить и все заблуждения наших внутренних чувств. Все наше пристрастие къ себѣ и соединяющаяся съ этимъ наша склонность уменьшать значение того, что относится къ другимъ людямъ и близко насъ не касается, зависаетъ обыкновенно только отъ недостаточности точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на другихъ. Намъ поэтому надобно переимѣнить наше мѣсто и посмотреть на положение другихъ людей съ другой точки и именно — съ точки зрѣнія *третьяго*, посторонняго и безпристрастнаго свидѣтеля. Эта *средняя* точка зрѣнія и дастъ намъ возможность видѣть предметы нашего наблюденія *въ низъ самихъ*, со стороны внутреннего ихъ значенія и достоинства и безотносительно къ тому вліянію, какое они могутъ имѣть для насъ лично, это будетъ — точка зрѣнія долга, или — точнѣе — чувства долга, носимаго нами въ душѣ и отражающагося въ нашей совѣсти. Въ этомъ то чувствѣ человекъ, очевидно, и долженъ искать себѣ опоры для вѣрнаго, достойнѣшаго направленія и своихъ отношеній къ другимъ и всей вообще своей жизни.

Давни въ чувствѣ общечеловѣческаго долга такого руководителя человѣческой жизни, Провидѣніе, такимъ образомъ, не отдало человека въ жертву всѣмъ заблужденіямъ его личныхъ чувствъ; въ этомъ чувствѣ оно дало человеку такой законъ жизни, который одинъ только и можетъ управлять дѣйствіями всей массы людей и приводить ихъ въ согласіе, — законъ, безъ котораго въ жизни человѣческой, собственно говоря, не было бы и возможности рассчитывать на чье либо поведеніе.

Какимъ образомъ человекъ принимаетъ этотъ нравственный законъ за норму своихъ дѣйствій, объ этомъ мы непосредственно ничего не знаемъ, въ сознаніи мы находимъ его всегда уже готовымъ. По этому мы и относимъ *идею нравственности* къ разряду чувствъ, называемъ ее *чувствомъ долга*, такъ какъ безсознательное происхожденіе всегда составляетъ отличительную черту чувствъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что человеку присуще это нравственное чувство, — присуще оно ему какъ первоначальный и коренной элементъ его души.

Противъ этого, пожалуй, могутъ замѣтить, что встрѣчаются въ жизни такіе люди, которые объ этомъ чувствѣ совсѣмъ ничего не знаютъ, которыми это чувство никогда не сознавалось. Отрицать это мы не будемъ, но и согласившись на это, мы всетаки не

можемъ отсюда заключать, чтобы у такихъ людей вовсе не было чувства долга. Психологическій опытъ показываетъ, что въ душѣ несомнѣнно могутъ существовать такіа состоянія, которые могутъ и не входить въ сознаніе, — такъ это прежде всего нужно сказать относительно впечатлѣній, дѣйствующихъ на насъ: очень многія изъ нихъ не сонаются нами, но не всѣ эти несознаваемые впечатлѣнія проходятъ совсѣмъ бесслѣдно для насъ, нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно воспринимаются душою и ложатся въ ней въ основу различныхъ безсознательныхъ процессовъ; слѣд., отсутствіе чего нибудь въ сознаніи еще не можетъ указывать и на отсутствіе этого и въ самой душѣ. Кроме того, нельзя упускать изъ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что у многихъ людей чувство долга не только входитъ въ сознаніе, но и настолько сильно проявляется, что становится главнѣйшимъ побужденіемъ ихъ дѣятельности. Въ виду этого нельзя же допустить, чтобы различные люди обладали различною духовною организаціей, такъ чтобы въ организаціи однихъ чувство долга принадлежало къ организаціи другихъ — нѣтъ. Такое предположеніе совсѣмъ ниспровергало бы тотъ основной законъ мышленія и практической жизни, по которому мы, встрѣчая извѣстное какое нибудь свойство въ однихъ существахъ того или другаго рода, необходимо предполагаемъ это же свойство и въ другихъ существахъ, принадлежащихъ къ тому же роду и проявляющихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ одинаковую съ первыми природу. Въ силу этого закона мы и имѣемъ возможность установить опредѣленные правила для руководства въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Въ силу этого закона необходимо, очевидно, принять и то, что если чувство долга у однихъ людей проявляется сильно и рѣшительно, то это чувство должно быть и у другихъ людей, хотя бы у нихъ оно и не проявлялось. Безъ первоначально присущаго душѣ человека чувства долга, собственно говоря, ни одинъ человекъ не знаетъ бы за собою никакихъ *обязанностей*, потому что чтоже тогда заставило бы человека считать себя обязаннымъ повиноваться чему бы то ни было? Человекъ пожалуй еще могъ бы тогда по какимъ нибудь эгоистическимъ расчетамъ рѣшиться на повиновеніе чужой волѣ, но онъ никогда бы не могъ *чувствовать* за собою самой *обязанности* въ этомъ повиновеніи; если же одною чувствомъ обязанности, хотя бы только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, не чуждо бываетъ всякому человеку, то это указываетъ, что для всякаго то, чему онъ повинуетъ изъ сознанія обязанности, является чѣмъ то *должнымъ*, что, слѣд., въ основѣ такого повиновенія у всякаго лежитъ чувство долга, которое и указываетъ свободной волѣ человека путь

дѣйствія, дать ей направленіе, подчеркнуть планъ.

Что же касается того, отчего же чувство долга, будучи всеобщимъ и первоначальнымъ элементомъ человѣческой души, фактически—повидимому—проявляется не у всѣхъ людей, по крайней мѣрѣ не съ одинаковою силой, то это безъ сомнѣнія зависитъ отъ самой природы этого начала. Чувство долга, какъ чувство, „протекающее изъ общаго назначенія бытія человѣческой души“, значащъ, до просвѣщенія его въ сознаніи и утвержденія въ практической жизни, можетъ быть лишь слабымъ и по содержанию своему неопредѣленнымъ. Поэтому другія состоянія души человѣческой, другія отдѣльныя чувствованія и различныя желанія, достаточно сильны и имбюція опредѣленное содержаніе, могутъ—такъ сказать—пересилить это чувство, отгнать его на задній планъ, такъ что человѣкъ не въ состояніи бываетъ обратить на него должное вниманіе. И безъ сомнѣнія, въ этомъ лежитъ объясненіе того, почему у нѣкоторыхъ чувство долга совсѣмъ не входитъ въ сознаніе, почему нѣкоторые ничего не знаютъ объ немъ, хотя несомнѣнно и носятъ его въ себѣ и даже въ различныхъ случаяхъ и руководятся имъ.

Все это очень ясно указываетъ на ту цѣль, къ которой должно быть направлено самовоспитаніе человѣка. Очевидно, совсѣмъ несообразно было бы съ достоинствомъ человѣка, какъ разумнаго существа, если бы онъ только снѣло, инстинктивно шель въ своей жизни; человѣкъ долженъ сознательно выражумѣвать лежащее въ природѣ его нравственное начало, и какъ онъ заботится о развитіи своихъ познавательныхъ способностей, такъ точно онъ долженъ развивать и укрѣплять и свои нравственныя способности. Безъ борьбы, безъ труда и усилий тутъ—разумѣется—нельзя обойтись.

Но помогутъ ли, скажутъ, всѣ усилія воли, направленныя къ дѣятельности во имя высшаго нравственнаго закона, когда въ самой человѣческой природѣ есть вѣчто, что не только не зависитъ отъ воли, но и прямо можетъ противодействовать ей и вести къ поступкамъ, совсѣмъ противурѣчающимъ желаніямъ человѣка? Жизнь человѣка управляется не однимъ духовнымъ началомъ дѣйствующимъ въ немъ, но во многомъ опредѣляется, независимо отъ него, физическою его природою и, главнымъ образомъ, тѣмъ или другимъ состояніемъ нервной системы. Возбужденія послѣдней могутъ достигать такой силы, что иногда они совсѣмъ подчиняютъ волю человѣка и вопреки ей ведутъ человѣка къ такимъ дѣйствіямъ, совершеніе которыхъ для него никогда и не могло быть желательнымъ; таковы бываютъ всѣ такъ назыв. аффективныя (страстныя) состоянія, какъ напр., силь-

ныя вспышки гнѣва, ревности и т. п. Можетъ ли быть человѣкъ отвѣтственъ за дѣйствія, совершаемыя въ такихъ состояніяхъ?

Хотя по человѣческому суду такіа дѣйствія во многомъ извиняются человѣку, но нельзя не признать, что и по отношенію къ нимъ всегда лежитъ большая доля отвѣтственности на самомъ человѣкѣ. Всѣ душевныя состоянія, которыя имбютъ причиною сильныя возбужденія нервной системы, несомнѣнно, если прямо и не опредѣляются рѣшеніемъ воли, всегда являются всетаки съ поущенія ея. Хотя всѣ такъ называемыя аффективныя состоянія возникаютъ быстро, но, во всякомъ случаѣ, въ первое время они не сопровождаются такимъ сильнымъ нервнымъ раздраженіемъ, чтобы человѣкъ не былъ въ состояніи владѣть собою, не могъ никакимъ образомъ противодействовать имъ; усиливаются они до этой степеніи обыкновенно потому, что человѣкъ, незамѣтно для самого себя, самъ поддерживаетъ ихъ, самъ даетъ имъ пищу, потому что допускаетъ своему сознанію останавливаться на тѣхъ предметахъ и представленіяхъ, которые и вызвали страстное волненіе. Если бы человѣкъ обнаружилъ настолько силы воли, настолько самообладанія, чтобы отвлечь свое вниманіе отъ этихъ предметовъ и представленій, если бы отъ нихъ онъ обратился къ другимъ, не имбюцимъ къ первымъ никакого отношенія и слѣд. не могущимъ уже поддерживать возникшую вспышку чувства, тогда навѣрное онъ не далъ бы возможности усилиться этому чувству до страстнаго состоянія, не далъ бы ему приобрести такую силу, при которой бы его сознаніе и воля потеряли всякій контроль надъ его дѣйствіями.—Все это указываетъ, такимъ образомъ, только на необходимость со стороны человѣка воспитанія въ себѣ привычки къ самообладанію, на необходимость упражненія воли въ управленіи представленіями и чувствованіями; подъ условіемъ воспитанія такой привычки человѣкъ всегда имѣлъ бы возможность неуклонно и бодрственно стоять на стражѣ строгато слѣдованія нравственному закону жизни.

Неосновательно было-бы ссылаться здѣсь на слабость самой человѣческой воли. Далеко не у всѣхъ людей она является слабой, и какова бы ни была слабость ея у нѣкоторыхъ, она всетаки ни у кого не доходитъ до совершенной немощи, или до полнаго отсутствія самоопредѣленія. По крайней мѣрѣ, за исключеніемъ случаевъ простаго физическаго принужденія, никогда ни въ какихъ другихъ случаяхъ человѣкъ не можетъ находиться въ такомъ положеніи, чтобы его воля не оставалась свободна выбора и рѣшающаго значенія. Поэтому, приметь ли человѣческая жизнь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ то или другое направленіе, это всегда будетъ зависетьъ отъ

решения собственной воли человека; таким образом от самого человека всегда зависит и его нравственное возвышение въ жизни и его унижение: въ первомъ ведетъ путь долга, — человеку нужно только выбрать этотъ путь и решиться твердо слѣдовать ему; напротивъ, всякая нравственная низость человеческой жизни всегда есть собственное самоунижение тѣхъ или другихъ людей, потому что въ основаніи ея лежатъ „неделаніе того, чего человекъ можетъ и долженъ желать“ (Ульрици. „Тѣло и Душа“).

Невѣрно было бы также думать, что для достиженія той нравственной высоты жизни, какая соответствовала бы высокимъ требованіямъ нравственнаго закона, нужны были-бы какія нибудь особенныя, исключительныя, выдающіяся обстоятельства жизни. Нравственная личность человека вырабатывается при самыхъ мелкихъ обстоятельствахъ. Въ самомъ обыкновенномъ теченіи жизни человеческой, можно сказать, не проходить дня безъ того, чтобы человекъ чему нибудь не научился — или въ хорошую, или въ дурную сторону, потому что нѣтъ такого дѣянія, какъ бы ничтожно оно ни было, которое бы не влекло за собою какого нибудь послѣдствія; каждое дѣяніе, каждое чувство, каждая мысль несомнѣнно вносятъ свою долю участія въ образованіе нравственной личности человека. Такимъ образомъ, какъ бы повидимому незначительна ни была сфера дѣятельности иного человека, какъ бы ничтожно ни было его положеніе, но человекъ всегда долженъ смотреть на свою жизнь, какъ на *великое* поприще мужественнаго, твердаго и честнаго исполненія своего долга. Только при такомъ взглядѣ на жизнь, во *всякомъ* своемъ положеніи человекъ можетъ создать себѣ лучшую, достойнѣйшую участь; только при этомъ условіи во *всякомъ* положеніи онъ можетъ приобрести себѣ прочное, невозмутимое счастье.

Нельзя не указать при этомъ, что обыкновенный источникъ того несчастія, какое чувствуютъ многие люди, заключается именно въ томъ, что они бываютъ недовольны своимъ обычнымъ положеніемъ, тою сферою дѣятельности, какая приходится на ихъ долю, тѣмъ значеніемъ, какимъ они пользуются; имъ представляется, что будь они на другомъ мѣстѣ, возмись они за другое дѣло, и они были-бы сильнѣе, счастливѣе, довольнѣе. Изъ этого-то различія, какое дѣлаетъ человекъ между обычнымъ своимъ положеніемъ и всякимъ другимъ, и происходятъ всѣ несчастія и тревоги человеческой жизни. А между тѣмъ не нужно много доказательствъ, чтобы убѣдиться, что при *всякомъ* своемъ положеніи человекъ можетъ сохранить одинаковое спокойствіе, одинаковое довольство; ибо то, что обезпечиваетъ эти послѣдствія, присутствуетъ при *всякомъ* положеніи человека. Всякое

положеніе предъявляетъ человеку извѣстный долгъ, который требуется выполнить; какъ избѣжать этого человекъ нигдѣ, ни въ какомъ положеніи не можетъ, такъ, напротивъ, за какое бы дѣло въ жизни онъ ни взялся, онъ всегда и всюду встрѣтится съ этимъ неотстранимымъ, неотступнымъ, неизбежнымъ требованіемъ долга, — а честное исполненіе долга только и можетъ обезпечить истинное счастье человека. Въ людямъ, стремящимся выдти изъ своего обычнаго положенія, переиспытать новые роды дѣятельности, удобно можно примѣнить слова, сказанныя Эпирскому царю однимъ изъ его наперниковъ послѣ того, какъ царь окончилъ перечисленіе тѣхъ завоеваній, какия онъ намѣревался сдѣлать: „а послѣ этого что вы намѣрены сдѣлать, государь?“ сядемъ наперсникъ. — „Потомъ, отвѣчалъ царь, я задамъ веселый пиръ для своихъ друзей“. — „Но что же мѣшаетъ вашему величеству и начать такимъ пиромъ?“ возразилъ наперсникъ. — Нетрудно убѣдиться, что и всегда, какъ въ приведенномъ разсказѣ, то, что человекъ думаетъ найти въ другомъ положеніи, есть именно то же, что уже находится въ распоряженіи его и въ данную минуту, и чѣмъ онъ можетъ воспользоваться когда ему угодно; обыкновенно человекъ только не понимаетъ, что у него нѣтъ недостатка въ томъ, что нужно для его счастья, что ему поэтому слѣдовало-бы успокоиться и довольствоваться своимъ положеніемъ. Людямъ, вѣчно остающимся недовольными своимъ положеніемъ, хорошимъ урокомъ можетъ служить древняя надпись, вырѣзанная на гробницѣ одного человека, который пользовался хорошимъ природнымъ здоровьемъ, но, недовольствуясь этимъ, хотѣлъ при помощи медицинскихъ средствъ еще болѣе улучшить его: „*Мнѣ было хорошо, говорить эта надпись, я хотѣлъ лучше, и вотъ я здѣсь*“.

Н. Страховъ.

Справедливо-ли социалисты пользуются Евангельскимъ ученіемъ въ подрывленіе своихъ воззрѣній?

(Изъ L'Union Chrétienne).

(Продолженіе). *)

ГЛАВА VI-я.

Седмая притча Христа.

„Царствіе небесное подобно неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на берегъ, съели, и хорошія собрали въ сосуды, а худыя выбросили вонъ. Такъ будетъ и при кончѣ вѣка: изыдутъ Ангелы, и отдѣлятъ злыхъ отъ праведныхъ; и вверг-

*) См. № 10-й „Харк. Епарх. Вѣд.“.

нуть ихъ въ печь огненную: тамъ будетъ плачь и срезанъ зубовъ" (Матѣ. XIII, 47—50).

Эта притча содержитъ въ себѣ тоже самое ученіе, какъ и притча о полѣ, на которомъ добрыя зерна растутъ въ смѣшеніи съ плевелами. Плевелы будутъ вырваны только Ангелами и то при концѣ міра; толь-ко тогда они будутъ брошены въ огонь.

Тоже самое произойдетъ и съ дурными рыбами, смѣшанными съ хорошими въ одномъ и томъ же неводѣ, изображающемъ собою Царство Небесное, то есть, высшее христіанское общество.

Только при концѣ міра худыя рыбы будутъ выброшены вонъ и затѣмъ ввержены въ огонь. Но во все время существованія этого міра добрыя и худыя будутъ находиться въ смѣшеніи между собою; хотя худыя люди не будутъ соблюдать всѣхъ Евангельскихъ заповѣдей, тѣмъ не менѣе хорошіе люди должны будутъ подавать имъ добрыя примѣры и являть въ отношеніи къ нимъ милосердіе и всякія другія христіанскія добродѣтели.

Слѣдствіе, вытекающее изъ этой притчи, какъ и изъ притчи о полѣ, на которомъ добрая зерна произрастаютъ въ смѣшеніи съ плевелами,—это *терпимость*, или, что гораздо лучше—*милосердіе*. *Терпимость* обязываетъ насъ снисходительно *переносить* недостатки другихъ; а *милосердіе* налагаетъ на насъ долгъ творить добро и людямъ недостаточнымъ.

Терпимость, какъ мы уже замѣтили, есть христіанская добродѣтель, о которой свободные мыслители однакоже думаютъ, что она избрѣтена ими; между тѣмъ какъ она уважѣдала ими изъ христіанскаго преданія. Милосердіе тоже христіанская добродѣтель, но до высоты ея свободные мыслители никогда не претендовали достигать. Эти мыслители предпочитаютъ лучше не понимать ее или даже извращать ея подлинный характеръ. А потому въ сущности оказываются терпимыми только въ отношеніи къ подвоямъслящимъ себѣ людямъ, что конечно не трудно; между тѣмъ какъ въ отношеніи къ людямъ мыслящимъ иначе, чѣмъ они, поступаютъ безъ всякаго стѣсненія, что доказываетъ у нихъ существованіе такого же расположенія духа, какое бываетъ и у людей наименѣе терпѣливыхъ. Именно смотря по обстоятельствамъ, они впадаютъ въ жестокость и становятся преслѣдователями другихъ столько же, какъ и страстные защитники нетерпимости и открытые послѣдователи ученія инквизиторовъ.

Что касается милосердія, то одни только истинные христіане обладаютъ тайною исполненія его.

Безъ сомнѣнія, милосердіе проявляется въ совершеніи дѣлъ духовной и тѣлесной милости въ отношеніи къ другимъ; но оно столько же состоитъ и въ нашихъ личныхъ расположеніяхъ души. По этому

поводу мы припоминаемъ изреченіе Фотія, знаменитаго патріарха Константинопольскаго, столь злословаго фанатикомъ романтизма. Онъ говорилъ, что наилучшій способъ исполненія милосердія состоитъ въ сказываніи другимъ одной только истины. Это изреченіе столько же глубокое, какъ и христіанское.

Часто думаютъ, что христіанское милосердіе, между прочимъ, состоитъ въ употребленіи мягкихъ манеръ и лицемерныхъ предосторожностей въ отношеніи къ людямъ, о которыхъ достоверно знаютъ, что они ошибаются. Но подобное поведеніе не есть милосердіе, не есть христіанское; его результаты плачевны и могутъ только навсегда удерживать въ заблужденіи тѣхъ, которые впади въ него.

Но еслибы всѣ съ откровенностію говорили другимъ истину, то этимъ проявили бы въ отношеніи къ нимъ гораздо больше милосердія, какъ и утверждать это достоуважаемый Фотій. Этотъ ученый патріархъ не поколебался высказать истину римскому патріарху, когда послѣдній началъ уклоняться отъ прямого пути православія. И если онъ не смогъ привести къ истинѣ римскаго первосвященника, то, крайней мѣрѣ, онъ спасъ восточное православіе. Истинно христіанское милосердіе его увѣчалось результатомъ, который навсегда будетъ вѣщать его славою и предъ Богомъ, и предъ истинною Церковію.

Быть можетъ, подумать, что, исполняя милосердіе откровеннымъ сказываніемъ истины, можно, крайней мѣрѣ, нарушить терпѣніе,—тоже христіанскую добродѣтель.

Но думаніе подобнымъ образомъ страшно ошибается.

Христіанское терпѣніе обязываетъ насъ не дѣлать никакого зла, не проявлять никакой жестокости въ отношеніи къ дурнымъ христіанамъ, среди которыхъ обязаны жить христіане добрыя. Но оно не обязываетъ насъ скрывать ихъ ошибки и падать ихъ пороки.

Христіанское терпѣніе не есть индифферентизмъ. Истинный христіанинъ, поражающій даже съ силою ошибки и порока дурныхъ христіанъ, въ сущности является болѣе терпѣливымъ чѣмъ челоѣкъ мягкой и лицемерной, тщеславящейся своею терпимостію и своею мягкостію.

Первый всегда является истиннымъ христіаниномъ, хотя онъ говоритъ откровенно и въ тоже время съ ужасомъ избѣгаетъ употребленія жестокихъ средствъ противъ своихъ противниковъ. Второй же употребляетъ въ отношеніи къ своимъ врагамъ внутренній обманчивыя средства непрямыя и лицемерныя; и даже, если открывается благопріятный случай, прибѣгаетъ къ жестокости, прикрываясь въ этомъ случаѣ лицемеріемъ, какъ и эти добрыя инквизиторы, которые сжигали тѣла только для спасенія душъ.

Примѣръ Иисуса Христа въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, долженъ служить для насъ руководителемъ. Христосъ столь кроткій, столь смиренный, никогда не прикасавшійся намъ къ дымящейся бритвы, изъ боязни не потушить остатка разумнаго огня, еще могущаго стать тлеющей и свѣтомъ, — съ какою силою Онъ обличалъ фарисеевъ, этихъ ветхозавѣтныхъ иезуитовъ, и саддукеевъ, этихъ предшественниковъ нашихъ свободныхъ мыслителей.

Надобно никогда не открывать Евангелія, чтобы не знать съ какою силою и какою откровенностію Онъ поражалъ ихъ заблужденія и ихъ лицемеріе.

И такъ, на нашъ взглядъ, мы не видимъ истиннаго христіанства ни въ мѣткихъ манерахъ, ни въ лицемерныхъ предосторожностяхъ въ отношеніи къ другимъ христіанамъ; напротивъ, мы видимъ его въ откровенности, съ которою порицаетъ людскія пороки и людскія заблужденія, не употребляя однакоже никакой жестокости противъ кого бы то ни было.

Кто умѣетъ сохранить средину между этими крайностями, тотъ только можетъ быть названъ по справедливости человекомъ терпимымъ, истинно милосерднымъ и истиннымъ христіаниномъ. Люди же лицемерно мягкіе суть только фарисеи и иезуиты.

глава VII-я.

Притча восьмая.

„Царствіе Небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитать съ рабами своими. Когда же началъ онъ считать, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который былъ ему долженъ десять тысячами талантовъ; и какъ онъ не имѣлъ чѣмъ заплатить, то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и возвратитъ долгъ. Но рабъ тотъ палъ, и влянаясь ему, говорилъ: Государь! потерни на мнѣ, и все тебѣ заплачу. Государь умилосердѣвъ надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его, и долгъ простилъ ему. Вышедши рабъ тотъ, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динариевъ; и схвата его, душилъ, говоря: отдай мнѣ долгъ. Товарищъ его, падши къ его ногамъ, умолялъ его, и говорилъ: потерни на мнѣ и все заплачу тебѣ. Но онъ не захотѣлъ; а пошелъ и посадилъ его въ тюрьму, пока не отдастъ долга. Товарищи его, видѣвъ происшедшее, весьма огорчились; и приведши рассказали государю своему все, что случилось. Тогда государь призываетъ его и говоритъ ему: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня; не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я тебѣ помиловалъ. И разгнѣвавшись государь его, отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ всего, чѣмъ долженъ ему. Такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ

съ вами, если каждый не проститъ отъ сердца брату согрѣшеній его.“ (Мате. XIX, 23—35).

Нельзя представить себѣ общества безъ того, чтобы членъ его не находился въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ; не возможно также, допустить чтобы при существующемъ различіи человеческихъ характеровъ и интересовъ отношенія эти не вызвали столкновений и борьбы.

Мечтать объ обществѣ, въ которомъ царствовало бы совершенное согласіе, — смѣшная утопія. Не возможно не знать достаточно природу человеческую и въ тоже время на разумныхъ основаніяхъ, полагать, что бы въ обществѣ, составленномъ даже изъ самаго незначительнаго числа членовъ, можетъ царствовать полная гармонія.

А потому возникаетъ вопросъ у всѣхъ, желающихъ изучить основы человеческого общества и опредѣлить правила порядка, долженствующаго царствовать въ обществѣ — вопросъ о желательныхъ отношеніяхъ при неизбежныхъ столкновеніяхъ между членами этого общества.

Какое-же рѣшеніе этого вопроса дается тѣми, которые налагаютъ на себя миссію организовать общество не по Евангельскимъ правиламъ? Мы не знаемъ никакого; и вотъ отъ чего мы можемъ сказать, что никогда не найдемъ болѣе возвышеннаго рѣшенія этого вопроса чѣмъ то, которое указано въ Евангельской притчѣ, только что нами приведенной.

Въ этой притчѣ Христосъ представляетъ общество съ высшею формою управления, признаваемою низшими социалистами съ своей точки зрѣнія недостаточною, т. е. съ формою управленія подъ образомъ государя и слугъ; но и въ подобномъ обществѣ Христосъ полагаетъ начало могущее содѣлать государя отцемъ, а слугъ братьями между собою, одинаково подчиненными его отеческой власти; могущее превратить такъ организованное общество въ семью; т. е. въ общество наиболѣе кроткое и наиболѣе совершенное.

Это начало, сопровождающееся для общества, какова-бы ни была высшая форма его управленія, столь удивительными послѣдствіями, состоитъ во взаимной снисходительности, которую мы для большей ясности назовемъ ея христіанскимъ именемъ, т. е., милосердіемъ. Это имя недумосмысленное, и его не надлежитъ въ основаніи никакой социальной системы, его можно находить только въ Евангельскомъ ученіи.

Вслѣдствіе известныхъ человеческихъ пороковъ, всегда производящихъ на общество гибельное вліяніе, всегда будетъ надобность въ томъ, что называють правосудіемъ и представителями этого правосудія. Христосъ, никогда не бывшій утопистомъ, не допускаетъ въ человечествѣ такой усовершенности,

которая навсегда дѣлала-бы не нужнымъ ви́шнее обузданіе порока. Въ Его притчѣ государь, справедливо разгнѣванный на неблагогодарнаго раба, отдасть его представителямъ правосудія.

Но ви́ фактовъ преступленія, дающихъ мѣсто правосудію, въ общественныхъ отношеніяхъ существуютъ еще почти безконечное множество столкновений и интересовъ, борьбы характеровъ, происходящей отъ различныхъ склонностей, болѣе или менѣе счастливыхъ или несчастныхъ обстоятельствъ, отъ удачныхъ или неудачныхъ предпріятій. Въ этой борьбѣ и въ этихъ столкновеніяхъ преступленіе бываеъ ни причеъ. Часто даже въ нихъ не существуетъ и простой ошибки. Если это вѣрно, то какому правилу надобно слѣдовать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ? Христосъ желаетъ, чтобы человекъ, подавшій поводъ къ жалобѣ, т. е. совершившій заемъ, призналъ-бы это за собою, и затѣмъ доказалъ-бы свою добрую волю въ отношеніи къ своему заимодавцу, то есть, къ человекѣ, имъ оскорбленному. Онъ желаетъ, чтобы оскорбившій, будетъ-ли онъ государемъ или рабомъ, засвидѣтельствовалъ свои милосердія и братскія чувства въ отношеніи къ своему заимодавцу. Эта взаимная доброта чувствъ между благородными членами одного и того-же общества, можетъ уничтожить въ самомъ корнѣ вражду, всегда вызывающую ненависть и преступленіе, а часто даже и взаимное разореніе двухъ враждебныхъ сторонъ. Христосъ желаетъ, чтобы прибѣгали къ правосудію и представителямъ правосудія только въ отношеніи къ преступникамъ, злоупотребляющимъ милосердіемъ оказаннымъ имъ самимъ и не желающимъ затѣмъ прозябать его къ другимъ людямъ. Очевидно, что подобнаго рода преступники сами поставляютъ себя ви́ общественного закона милосердія, потому что этотъ законъ можетъ существовать только подъ формою взаимности.

Если-бы законъ взаимности милосердія чувствъ былъ приравляемъ къ дѣйствительной жизни, то міръ не былъ-бы, какъ по несчастію теперь есть, театромъ такой борьбы, такой ненависти, столькихъ судебныхъ процессовъ, разореній, бѣдности и несправедливости. Всѣ эти общественныя бѣдствія были-бы уничтожены въ самомъ корнѣ.

Но болѣею частію люди не хотятъ ни понять, ни примѣнить къ жизни своей Евангелія, не смотря даже на то, что живутъ въ странахъ называющихся христіанскими. И вотъ почему міръ есть *царство сатаны*, и вотъ почему мы имѣемъ надобность каждый день повторять молитву: „*Отче нашъ, Иже еси на небесі! Да придетъ Царство Твое*“.

ГЛАВА VIII-я.

Притча Девятая.

„Царство Небесное подобно хозяину, который, рано по утру, вышелъ нанять работниковъ въ виноградникъ свой. Договорася-же съ работниками заплатить имъ по динарію на день, послалъ ихъ въ виноградникъ свой. И вышелъ около третьяго часа, увидѣвъ другихъ стоящихъ на торгу праздно, сказалъ и имъ: подите и вы въ виноградникъ мой, и что слѣдовать будетъ, я заплачу вамъ. Они пошли. Опять вышелъ около шестаго и девагата часа, сдѣлалъ тоже. Наконецъ вышелъ около одинадцатаго часа, нашель другихъ стоящихъ праздно, и говорить имъ: что вы здѣсь стоите цѣлый день праздно? Отвѣчали ему: никто насъ не нанялъ. Говоритъ имъ: подите и вы въ виноградникъ мой, что слѣдовать будетъ, получите. Когда-же наступилъ вечеръ, говоритъ господинъ виноградника управителю своему: позови работниковъ, и отдай имъ плату, начавъ съ послѣднихъ до первыхъ. И пришедши нанятые около одинадцатаго часа, получили по динарію. Пришедши-же первые, думали, что они получатъ больше: но получили и они по динарію. И получивъ стали роптать на хозяина, говоря: сн послѣдніе работники одинъ часъ, и ты поставилъ ихъ наравнѣ съ нами, которые потрудились цѣлый день, и терпѣли зной. Онъ-же отвѣтствуя, сказалъ одному изъ нихъ: другъ мой! а тебѣ не обижая; не за динарію ли ты договорился со мною? Возьми свое, и поди; а я хочу сему послѣднему дать тоже, что и тебѣ. Развѣ я не властенъ въ своемъ дѣлать, что хочу? Отъ того-ли глазъ твой завистливъ, что я добръ? Такъ будутъ послѣдніе первыми, и первые послѣдними; ибо много званыхъ, а мало избранныхъ“ (Матѣ. XX, 1—16).

Въ обществѣ человѣческомъ Богъ всѣхъ призываетъ къ труду. Трудъ составляетъ существенную основу общества; кто не хочетъ трудиться, тотъ самъ изгоняетъ себя изъ этого общества. Того, кто не трудится и поэтому становится бременемъ для общества, это послѣднее имѣетъ право принудить къ труду въ такой мѣрѣ, въ какой трудъ его необходимъ для поддержанія его собственнаго существованія и слѣдовательно общество имѣетъ право лишить его свободы тягостной для другихъ.

Таково очевидное слѣдствіе, вытекающее изъ божественнаго закона труда.

Труды бывають различны, смотря по общественному положенію, характеру, физическимъ силамъ и способностямъ каждаго. Домовладыка, напримѣръ, трудится, когда сохраняетъ свою собственность, когда наблюдаетъ за слугами, исполняющими работы не-

поисильна для него самого, когда управляет своимъ домою дѣятельно и разумно. Труды въ этомъ мѣрѣ бывають столько-же разнообразны, сколько разнообразны силы и способности людей, но все наши труды должны быть направлены къ тому, чтобы создать въ человечествѣ благосостояніе физическое и нравственное.

Между трудящимися одни находятся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ другіе,—какъ потому, что на ихъ долю достается трудъ менѣе утомительный и болѣе прибыльный,—такъ и потому, что они употребляютъ менѣе времени для достиженія желаемыхъ результатовъ, то есть, для достиженія общественаго положенія болѣе высокаго, болѣе пріятнаго и болѣе независимаго.

Спрашивается теперь, человѣкъ, находящійся въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ, имѣеть-ли право жаловаться на это?

Христомъ учить, что онъ не имѣеть этого права.

Обязаны-ли Господь измѣнить законы природы, или же налагать Свою всемогущую волю на человеческую свободу въ пользу каждой въ частности подобной личности?

Законы природы установлены разъ и навсегда для всѣхъ, и слѣдствія, вытекающія изъ условій, внутри которыхъ дѣйствуютъ эти законы, предоставлены Богомъ, при Его мудрому управленіи, естественному или необходимому теченію своему.

Если-бы Господь сталъ нарушать естественный порядокъ при каждомъ частномъ обстоятельстве или случаѣ, то это было-бы чудомъ. Конечно чудо возможно; но оно составляетъ собою исключеніе и существуетъ только подъ условіемъ исключенія.

Богъ предоставилъ нравственный мѣръ человеческой свободѣ. Безъ сомнѣнія, существуютъ нравственные законы, столько-же несомнѣнные, какъ и законы физическіе; но эти послѣдніе законы проявляются въ природѣ различно, смотря по тому, какъ они встрѣчаются другъ съ другомъ и какъ видоизмѣняютъ другъ друга.

Нравственный мѣръ тоже сказывается разнообразными проявленіями своихъ законовъ, и именно свобода человеческая видоизмѣняетъ ихъ проявленіе. Отсюда-то и происходятъ физическія и нравственныя условія видоизмѣняющія физическое и нравственное существованіе человеческихъ личностей.

Съ тѣхъ поръ какъ Господь установилъ законы и нравственныя основы съ ихъ естественными и закономѣрными проявленіями, никакая человеческая личность не имѣеть права жаловаться на то, что рождена подъ влияніемъ такихъ или иныхъ условій міра физическаго или міра нравственнаго. Пусть какой либо человѣкъ не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ

избранниковъ, въ отношенія къ которымъ проявленіе законовъ обоихъ міровъ оказывается наиболѣе благоприятнымъ,—во всякомъ случаѣ онъ имѣеть опредѣленную задачу, къ выполненію которой призывается и достиженіе которой, безъ сомнѣнія, увѣнчаетъ его достойной наградой, если только будетъ трудиться по мѣрѣ своихъ силъ и способностей.

Если-же мы, далѣе, допустимъ существованіе человѣка, до такой степени обездоленнаго, что для него никакой трудъ невозможенъ, то очевидно, что только такой человѣкъ будетъ находиться внѣ обязанности труда, а потому и поддержаніе существованія только такого человѣка должно стать обязательнымъ бременемъ для другихъ въ силу закона милосердія.

Такимъ образомъ, этотъ послѣдній законъ въ связи съ закономъ труда, приводитъ къ слѣдующему заключенію: общество должно принять на себя заботу о всѣхъ тѣхъ, которые не владѣють никакими богатствомъ и никакими средствами къ труду.

И эта общественная забота должна проявляться устройствомъ учреждений, въ которыхъ законъ милосердія находилъ-бы самое широкое примѣненіе и поддержаніе которыхъ могло-бы стать обязательнымъ для каждаго, по мѣрѣ его силъ и условій общественнаго положенія.

Отсюда уже открывается, что такъ какъ трудъ составляетъ собою основную законъ общественнаго порядка, то тотъ, кто не хочетъ трудиться, не имѣеть права и на общественное милосердіе; и общество имѣеть право обязывать его къ труду, чтобы этимъ снять съ себя лишнее бремя.

Таковы заключенія, вытекающія изъ изложеннаго нами христіанскаго ученія объ обществѣ, по Евангельскимъ притчамъ.

Это ученіе столь ясно, столь мудро, столь глубоко справедливо и свободно, что должно удивляться почему огромное большинство людей такъ мало и такъ дурно понимаетъ его.

Чего только не писали о трудѣ, объ общественной солидарности? Но нашли-ли хоть одно ученіе столь широкое, столь справедливое и столь полное, какъ это Евангельское ученіе?

Мы не знаемъ ни одного.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Древнее печатное Евангеліе.

Просвѣщенные читатели „Харьк. Епарх. Вѣд.“ навѣрное не посѣтуютъ на насъ, если мы въ интересахъ церкви—археологической науки оставимъ ихъ вниманіе насколько возможно, полнымъ обзоръ одного св. Евангелія, хранящагося при Маріи—Магдалинской церкви Харьковского института благородныхъ дѣвицъ.

Евангелие это, по всей справедливости, должно быть отнесено къ числу тѣхъ религиозна-историческихъ памятниковъ, которые, черпая свое начало изъ времени давно минувшихъ дней, не могутъ не быть для насъ дороги и священны. Прежде всего считаемъ необходимымъ воспроизвести здѣсь съ буквальною точностью текстъ заглавнаго листа, какъ наиболее интереснаго въ томъ отношеніи, что онъ знакомитъ насъ не только съ мѣстомъ, но и лицами и временемъ, когда данное Евангелие въ первый разъ появилось на свѣтъ Божій, — вышло изъ типографскаго станка.

Вотъ этотъ текстъ:

„А + О.

Е В А Н Г Е Л І Е

Исуса Христа, въ славу Человѣколюбца единого Триипостаснаго, Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Напечатана въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ типографіи, прежде множесто издавномъ, нынѣ же со стихами и главами первое издавномъ. Повелѣніемъ Благочестиваго Государя Царя, и великаго Князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца. Втринадцатое лѣто благочестиваго державы Царства его. И четвертое лѣто рожденія сына его, Государя нашего, благоувереннаго Царевича, и великаго Князя Алексія Алексѣевича.

Благоувереніемъ же великаго государя, Святѣйшаго Николая Архіепископа Московскаго, и всея великія и малыя и бѣлыя россіи Патриарха. Въ шестое лѣто патриаршества его. Въ лѣто отъ созданія міра 7165. Отъ воплощенія же Бога слова 1657. Мѣсяца Августа въ 29 день*.)

За симъ слѣдуетъ объясненіе, почему въ христіанской Церкви только четыре каноническихъ Евангелій и это званіемъ символъ-апокалипсическія изображенія, присвоеннаго каждому изъ св. Евангелистовъ. Сущность всего этого выражена такъ:

„Вѣдомо буди, яко четыре суть евангелія, и ниже мжолка сихъ, ниже умаленіеѣ.

По иже четыре обрѣзаны духове, се четыре евангелія, всоуду дашуще негнѣние, и животѣ възбѣгающе человекѣ, отъ нихъ же явѣ есть, яко сѣдай на херувимехъ явленъ человекѣмъ, якоже рече давидъ, даде намъ четверообразна евангеліе. Ибо херувимы четыре лица имутъ, и лица ихъ образъ смотренія сына Божія. Ибо подобно льву, дѣльное и владичное начертаніе. Подобно же телцу, священнослужебное и священническое являетъ. Человѣковидное же, воплощеніе напишетъ. Подобное же орлу, нашествіе Святаго Духа являетъ⁴⁾.

Не безынтересна и въ своемъ родѣ характеристична слѣдующая рукописная надпись, сохранившаяся на листѣхъ Евангелія:

„Ся книга Матвея Евангеліе напостольное даръ раба Божія, Данила Сосновича, съ дѣтми своими Стефаномъ, Егоромъ (третьяго имени нельзя разобрать), къ Церкви Троицы Живоначалія за свое отпущеніе грѣ-

ховъ; у того престола ни кому не отнимать, а кто забываетъ страхъ Божій и возьметъ сію книгу, Евангеліе, отъ того престола, да будетъ проклятъ⁵⁾.

Каллиграфія рукописи этой въ высшей степени изящна и въ наше время недоступна подражанію. Лицевая сторона Евангелія украшена литыми иезъ серебра, въ древнемъ стилѣ, изображеніями 4-хъ Евангелистовъ, а по срединѣ — сидящій Спаситель, Которому предстоитъ Божія Матерь и возлюбленный ученикъ Христовъ — Іоаннъ Богословъ. На оборотной сторонѣ, изображеніе Св. Троицы, въ духѣ ветхозавѣтной Церкви, — въ видѣ трехъ странниковъ, съ высокими посохами въ рукахъ, у дуба Маурійскаго. Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія идея художника, въ силу которой, всѣ три посоха увѣчаны четвероколенными крестами. У ногъ странниковъ, сидящихъ за трапезнымъ столомъ, изображенъ въ колѣно-преклонномъ видѣ маститый патриархъ Авраамъ, а вверху, въ глубокой нишѣ, рельефно выдѣляется, съ пытливымъ взоромъ, образъ жены его — Сарры. Почетный шрифтъ Евангелія на столько узористый, отчетливый, что вполне можетъ быть названъ художественнымъ. Особенность лишь та, что начальныя слова къ каждому Евангелискому зачалу отпечатаны красными буквами, не съ низу, какъ въ нынѣшнихъ Евангеліяхъ, а съ верку. Величина въ 4-ю долю листа, обтунто бархатомъ зеленого цвѣта. Евангеліе сохранилось хорошо на столько, что и послѣ двухъ сотъ двадцати шести лѣтъ можетъ быть употреблено и нынѣ.

При какихъ обстоятельствахъ и когда именно эта святая древность сдѣлалась достояніемъ церкви Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, къ сожалѣнію не сохранилось никакихъ письменныхъ документовъ какъ при церкви, такъ и при дѣлахъ совѣта.

Протоіерей Дюковъ.

Отъ Совѣта состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Прибалтійскаго православнаго братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери.

Во времена Царя Алексія Михайловича нѣкоторые православныя семейства, изъ-за религиознаго преслѣдованія въ Литвѣ, бѣжали оттуда въ Курляндію и нашли тамъ пріютъ и покровительство на герцогскихъ земляхъ ивѣнія Голмгофа. Впослѣдствіи это селеніе было переименовано въ городъ Якобштадтъ, а православные жители его получили разрѣшеніе устроить православный храмъ во имя Сочествія Святаго Духа.

Тутъ же при храмѣ былъ основанъ затѣмъ, соименный съ нимъ Святодуховскій монастырь, вскорѣ прославившійся чудотворною иконой Якобштадтской Божіей Матери. Икона эта чтится и доселѣ чудотворною и для подлженія ей стекается немалое число богомольцевъ не только православнаго, но и другихъ вѣроисповѣданій.

Храмъ Св. Духа, съ находящеюся при немъ малою церковью во имя Николая Чудотворца, весьма долго были единственными православными храмами въ этой мѣстности. Здѣсь завоеватель Лифляндіи, извѣстный

* Числа обозначены Славянскими буквами.

фельдмаршалъ, графъ В. П. Шереметевъ, приносилъ благодарственныя моления за дарованную ему побѣду. Въ 1818 г. монастырь былъ упраздненъ и церковь во имя Сочества Святаго Духа была обращена въ приходскую; тѣмъ не менѣе, старинный храмъ принадлежалъ, по прежнему, богомольцевъ, въ особенности же въ 1845—1848 гг., когда стремление латышей и эстовъ къ переходу въ православіе проявлялось съ наибольшою силой. Но каково бы ни было усердіе къ сему старшійшему въ край храму, время брало свое, и храмъ, не поддерживаемый, сталъ приходить въ ветхость, почти въ разрушеніе, такъ что въ 1850 г. въ немъ было превращено богослуженіе, и икона, чтимая чудотворно, перенесена въ сосѣднюю съ нимъ Николаевскую церковь. Между тѣмъ, въ послѣднее время, произошли такія событія, которыя должны были признаны знаменательными и должны были вызвать (и дѣйствительно вызвали) въ мѣстномъ православному населеніи благочестивое желаніе возобновить древній Святодуховскій храмъ въ его прежнемъ видѣ и снова водворить въ немъ св. икону. Въ 1878 году Якобштадтъ опустошенъ былъ страшнымъ пожаромъ, искры и головни неслись прямо на Святодуховскій храмъ, но когда обнесена была, съ колеблемыи ивѣиemi, икона Якобштадской Божіей Матери вокругъ прежняго, опустѣлаго мѣста селенія ея, то вѣтеръ принялъ внезапно иное направление и храмъ Сочества Св. Духа остался цѣль и невредимъ. Въ 1881 году, огонь ворвался въ самую церковную ограду, истребилъ жилище настоятеля и повредилъ Николаевскую церковь, но Святодуховскій храмъ, отстоявшій отъ горѣвшихъ жилищъ зданій и Николаевской церкви всего на нѣсколько сажень, остался снова нетронутымъ.

Видя въ этихъ событіяхъ знаменіе Господне и вѣру, что дважды чудесно спасенный отъ истребленія храмъ хранится Десницею Всевышняго для благотворнаго обновленія и водворенія въ немъ святой иконы Якобштадской Богоматери, мѣстные ревнители православія обратились въ совѣтъ Прибалтійскаго братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери съ просьбою объ оказаніи содѣйствія къ возобновленію этого храма, каковыя просьба принята совѣтомъ вполне сочувственно и съ искреннимъ желаніемъ исполнить ее. Къ этому побуждаетъ совѣтъ и уваженіе къ Святодуховскому храму, какъ древнему памятнику православія на прибалтійской окраинѣ, и то соображеніе, что храмъ этотъ и въ нѣдѣшемя своемъ убогомъ состояніи благоговѣнно чтимый мѣстнымъ православнымъ населеніемъ, по возобновленіи, принявъ благолѣпный видъ и въ то же время сохранивъ всѣ особенности своей древней архитектуры и устройства, послужитъ къ вышнему удовлетворенію религиозныхъ чувствъ православныхъ жителей края, а вмѣстѣ и тѣмъ ревнителямъ Церкви, которые сочувственно отзовутся на настоящему предположенію изъ остальныхъ мѣстностей и имперіи. Совѣтомъ братства уже сдѣлано распоряженіе объ освидѣтельствованіи Святодуховскаго храма для опредѣленія того, въ чемъ именно должны состоять строительныя работы; на первоначально же нечисленно,

требующаяся на это сумма простирается до 16,000 руб. Для удовлетворенія этой потребности, совѣтъ братства открываетъ спеціальныи сборъ пожертвованій. Въ каассъ братства имѣются уже нѣкоторые пожертвованія, въ томъ числѣ 2,000 руб., пожертвованныя на этотъ предметъ почетнымъ братчикомъ И. И. Смирновымъ.

Въ надеждѣ найти сочувственный откликъ, совѣтъ Прибалтійскаго братства обращается къ членамъ братства и ко всѣмъ вообще ревнителямъ православнаго вѣры и Церкви, съ настоящимъ воззваніемъ, приглашая ихъ оказать, своими приношеніями, содѣйствіе къ восстановленію древняго Якобштадскаго храма. Пожертвованія, съ приложеніемъ поминальныхъ записокъ о здравіи и за упокой, можно адресовать въ Ригу, на имя Епископа Рязскаго, Пресвященнаго Доната, въ канцелярію его преосвященства, и въ С.-Петербургъ, на имя совѣта Прибалтійскаго православнаго братства, въ домъ Министрства Внутреннихъ Дѣлъ, у Александринскаго театра.

Внутреннее обозрѣніе.

Содержаніе: Высочайшее пожеланіе.—Александровское братство.—Ослабленія перенесены въ церковной иерархіи.—Соборствованія православныхъ съ старообрядцами.—Дѣятельность Забалтійской духовной юрисдикціи.—Проектированіе въ православіи.—Пропаганда студентства.—О правѣ ересь держать христіанскую прислугу.—Содѣйствіе епископа закрыть кабака.—Притоговленіе къ Коронаціи.

—Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Синода тайный совѣтникъ К. П. Побѣдовосцевъ, 17 сего апрѣля, Всемилостивѣе пожелавъ въ дѣйствительные тайные совѣтники („Х. Г. В.“).

—Въ 1879 году при древней приходской церкви св. Іоанна Богослова, близъ костромскаго Ипатьевскаго монастыря, учреждено было Іоанно-Богословское братство, съ цѣлю—увѣковѣчить дѣлами благотворенія постоянное наматываніе о пребываніи въ этомъ монастырѣ родоначальника Царствующаго въ Россіи Дома, Михаила Феодоровича Романова и принятии имъ въ сей обители Скипетра Самодержавія. Въ 1880 году братство это, съ Высочайшаго соизволенія, переименовано въ „Александровское“ и имѣло счастье поступить подъ Всемилостивѣе покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича, имѣи благополучно Царствующаго Государя Императора Александра Александровича. Имѣи, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода ходатайства урядителю и членовъ означеннаго братства объ оставленіи онаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора, Его Императорское Владѣтельство, 22-го января сего года, Всемилостивѣе на сіе соизволило.

—Ожидаютъ слѣдующихъ перемѣнъ въ нашей іерархіи: на вакантную кафедру Пермской епархіи переизбирается Пресвященныи Ефремъ, Епископъ Курскій, а на его мѣсто Епископомъ Курскимъ и Вѣлгородскимъ назначается ректоръ Кіевской Духовной Академіи Пресвященныи Михаилъ, Епископъ Уманскій; дѣятельность его доселѣ, въ теченіе 28 лѣтъ, всецѣло была посвящена

наукъ въ академіяхъ Московской и Кіевской, гдѣ онъ, съ саномъ Епископа, носилъ уже и званіе заслуженнаго профессора. Ректоромъ Кіевской Академіи, по слухамъ, назначается профессоръ той же Академіи, долгое время бывший въ ней инспекторомъ, докторъ богословія архимандритъ Сильвестръ, извѣстный многими учеными трудами по догматическому богословію. Его назначеніе однакоже не будетъ соединено съ саномъ Епископа, и должность ректора, соединявшаяся съ этимъ саномъ при Иннокентія (Борисовѣ) и въ послѣднія девять лѣтъ при ректорахъ Филаретѣ и Михаилѣ, не будетъ соединена съ обязанностями викарія Кіевской епархіи.

— Собесѣдованія православныхъ съ старообрядцами, открыты въ Москвѣ, пріезжаютъ, по словамъ гаетей, массу слушателей и, повидимому, живо интересуютъ раскольниковъ. Совѣсьмъ другое находимъ въ отчетѣ самарскаго комитета православнаго мисіонерскаго общества за 1882 годъ. Дѣятельность мисіонеровъ самарской епархіи, какъ комитетскихъ, такъ и епархіальныхъ, состояла главнымъ образомъ въ веденіи публичныхъ и частныхъ бесѣдъ съ сектантами о предметахъ разномыслія въ дѣлахъ вѣры. Мисіонерамъ помогали и другія лица. Такъ въ николаевскомъ уѣздѣ, въ районѣ мисіонерской дѣятельности комитетскаго мисіонера Кургаева, гдѣ особенно процвѣтала пропаганда австрійской секты, по ходатайству комитета, въ помощь Кургаеву дозволено епархіальнымъ начальствомъ вести публичныя собесѣдованія съ послѣдователями австрійской секты учителемъ лютовской школы Расторгуеву, залывшему свою способность къ мисіонерству при собесѣдованіяхъ Кургаева, — а въ бутуреланскомъ уѣздѣ такое разрѣшеніе, по ходатайству комитета, дано епархіальнымъ начальствомъ крестьянину Чертыковцеву, обратившемуся въ православіе въ расколѣ, и считающемуся въ расколѣ начетникомъ. Какъ мисіонерами, такъ и ихъ помощниками сдѣлано наблюденіе, что на публичныя бесѣды всегда приходило во множествѣ православное населеніе известной мѣстности; сектанты же охотно являлись только тогда, когда въ средѣ ихъ находился кто-либо искусный въ словоперіи, на кого они надѣялись, что они отирадуютъ и предъ мисіонерами и предъ православными слушателями свое вѣрованіе, въ противномъ же случаѣ явятся на бесѣду двое—трое, и стараются здѣсь отхлынуться отъ возраженій мисіонера или молчаніемъ, или ссылкой на свою малознакомость: мы де люди темные, вѣруемъ, какъ научили насъ вѣровать наши отцы и дѣды, и вступать въ собесѣдованіе не желаемъ. Въ результатѣ получалось то, что мисіонерскія бесѣды съ раскольниками и сектантами производили на этихъ послѣднихъ малое вліяніе. Однакоже бесѣды приносили другую не менѣе существенную пользу, чѣмъ обращеніе заблуждающихся, а именно предохраняли православныхъ отъ возможности заблужденія и совращенія, такъ какъ убѣждали ихъ въ истинѣ православія, научали ихъ не быть безоглядными предъ сектантами, въ случаѣ если бы тѣ вздумали вступить съ ними въ разговоръ, съ цѣлю совращенія въ свою секту, знакомил

ихъ съ тѣми отвѣтами на спорные вопросы, которые могутъ быть даны сектантамъ на основаніи ими же признаваемыхъ источниковъ.

— Изъ отчета о дѣятельности Забайкальской духовной мисіи за 1881 г. видимъ, что въ отчетномъ году было крещено 513 душъ обоаго пола (280 мужск. п. и 233 женск. п.), въ томъ числѣ приколскимъ духовенствомъ—143 души. Несмотря однакоже на всѣ старанія мисіонеровъ, въ Забайкальской области все еще считается 130,000 азычниковъ. Главный вопросъ и до сихъ поръ остается все тотъ же самый—это надѣленіе новокрещенныхъ землей. По проекту ревизованнаго Сибиря генераль-адъютанта Сколкова, Высочайше утвержденному, положено водворять новокрещенныхъ по поттовому тракту отъ Верхнеудинска къ Читѣ, съ посѣбиемъ отъ казны по 127 р. на семейство. Черезъ это уже образовалось по тракту нѣсколько новыхъ селеній новокрещенныхъ. „Но, къ сожалѣнію, сказано въ отчетѣ, они обижены въ надѣлѣ землями, вѣдѣніе сдѣлки производящихъ надѣлъ съ Бурятами-идолопоклонниками; однакоже и теперь есть желающіе селиться по этой линіи, подъ условіемъ отвода удобной земли для домашняго хозяйства“.

Отчетный годъ ознаменованъ былъ особыми торжествомъ, праздноваемъ 200-лѣтнимъ юбилеемъ Забайкальской мисіи, получившей свое начало отъ послыки, по повелѣнію царя Феодора Александровича и по благословенію патриарха Іоакима на соборѣ 1681 года, въ Забайкальскій край 12 проповѣдниковъ, монаховъ, подъ начальствомъ игумена Феодосія, и кромѣ того въ этомъ-же году освѣщена церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы на Ирчени (въ 60 верстахъ отъ Читы), гдѣ было крещено и большое стеченіе народа.

— 20 марта, какъ сообщаютъ „Моск. Вѣд.“, въ Сухумѣ совершенно таинство Св. крещенія надъ однимъ крестьяниномъ Черниговской губерніи, принадлежавшимъ къ старообрядческой сектѣ не признающей крещенія. Таинство крещенія было совершено въ древнемъ храмѣ, востроенномъ въ IV вѣкѣ во имя св. Апостола Симона Канонита и, какъ преданіе говоритъ, на мѣстѣ погребенія св. Апостола Симона умершаго здѣсь мученической смертію отъ руки чалчскаго царя Адерія за распространеніе ученія Христа. Храмъ этотъ долгое время былъ въ полуразрушенномъ состояніи, а нынѣ восстановленъ иноками Ново-Афонской обители, которая и названа въ честь св. Апостола Симона-Канонитскою; находится она на западномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, въ 20 верстахъ отъ города Сухума. Упомянутый крестьянинъ, попомъ въ числѣ рабочихъ въ обитель, изъявилъ желаніе присоединиться къ православной Церкви. Изъ паспорта его хотя и было видно что онъ принадлежитъ къ старообрядческой сектѣ, а были-ли крещенъ этого не сказано. Вѣдѣніе этого было сдѣлано запросъ о немъ Черниговской духовной конвентуры, которая увѣдомила что секта не принимающая крещенія тамъ существуетъ и что таинство крещенія надъ помянутымъ крестьяниномъ совершить можно. Изъ разсказовъ-же новообращеннаго видно, что въ

ихъ селѣ крещеніе не совершается, а когда родится младенецъ, то повивальная бабка выходитъ на улицу и у перваго попавшагося человека спрашиваетъ имя, которое и даетъ родившемуся младенцу.

— По словамъ „Кіевлянина“, 20-го марта, въ 12 ч. дня въ Кіево-Софійскомъ соборѣ принялъ крещеніе еврей С., юноша 18 лѣтъ, родомъ изъ привислянскаго края, довольно образованный. Предварительно новообращенному пришлось, конечно, покататься со всевозможными пренатствами и преслѣдованіями отъ своихъ бывшихъ единоплеменниковъ, такъ что надо удивляться настойчивости этого юноши. Когда узнали семейные о его хожденіи къ священнику для наставленія въ вѣрѣ, то носимали съ него всю одежду и нагнмъ заверли въ комнату, гдѣ приводили его въ поканіе голодомъ и лишеніями. Юноша не выдержалъ искуса, выбилъ окно и убѣжалъ къ священнику, къ дому котораго тогда собралась толпа евреевъ и одна не разнесла дома, и оскорбля дѣйствіемъ жену священника. Тогда юношу, въ которомъ принималъ участіе и мѣстный губернаторъ, взяли подъ охрану полиціи. Но евреи не успокоились: начался по обыкновенію обвиненіе въ похищеніи 500 руб. и т. п. С. принужденъ былъ уѣхать въ Кіевъ подъ покровительство общества св. Владимира, которое пришло въ немъ живое участіе.

— Въ корреспонденціи изъ с. Лучина, Сквирскаго уѣзда (Кіевск. губ.), напечатанной въ „Кіев. сп. вѣд.“ сообщаются любопытные разсказы о разныхъ продѣлахъ штундистовъ, которыми они обольщаютъ и увлекаютъ въ свою секту простыхъ людей. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь является нѣкто Левко Либеръ, пресвитеръ лужичскихъ штундистовъ. Такъ онъ подговорилъ одного малолетняго крестьянина пробить у него нѣсколько дней и ночей сряду, какъ можно лучше, навмыкнуть въ чтеніи Св. Писанія и затѣмъ явиться въ Турбовку (сосѣднее селеніе) и оказать себя сразу великимъ грамотѣемъ. Такъ и сдѣлано было. Когда крестьяне спрашивали нововведеннаго грамотѣя, гдѣ онъ такъ хорошо научился читать, то онъ отвѣчалъ: прежде когда и былъ грѣшнымъ человекомъ, то былъ сдѣвъ подобно Савлу, а теперь и смыгъ Божій, мнѣ въ полночь является Самъ Богъ, я съ нимъ разговариваю, отъ того у меня съ очей спада чешуя и я теперь сталъ видѣть и читать лучше чѣмъ вашъ поплъ— жрець идольскій (обычное у штундистовъ названіе православныхъ священниковъ). Затѣмъ для болѣе очевиднаго доказательства существованія этихъ ночныхъ боговѣленій они обманчивымъ образомъ показывались на дѣлѣ такъ: около полночи Семень Смильчувъ (имя вышеупомянутаго крестьянина) вставалъ съ постели, становился среди хаты на колѣни, спрещивалъ на груди руки, подымалъ глаза къ потолку и начинать пѣть анабаптистскія пѣсни и псалмы, въ это время у окошъ его хаты являлся одинъ изъ штундистовъ (говорить, что часто приходилъ самъ Либеръ) и чѣмъ-то тяжелымъ ударалъ въ стѣну хаты такъ, что дѣйствительно колебалось основаніе небольшой хатки (здѣсь копировался разсказъ Дѣян. Ап. о заключеніи Ап. Павла и Сима въ темницѣ—XVI, 25 и 26), при этомъ у окна мгновенно являлся свѣтъ, который производи-

ся посредствомъ быстро зажиганія фосфорной спички, и при такомъ фантастическомъ освѣщеніи у окна являлось привидѣніе старца съ длиною бородою и обдеченнаго въ блуду одежду; борода этого старца была искусственная изъ пеньки, а блудая одежда была ничто иное, какъ блудое радио принадлежащее лужичской пресвитершѣ.— Къ чести православныхъ жителей упомянутыхъ селеній нужно сказать, что они не поддались на эти уловки штундистовъ: мать Смильчука вдова прямо заявила, что если мѣръ (по малороссійски—громада) допуститъ окверненіе ея дома штундистскимъ собраніемъ, то она запретъ въ своемъ домѣ все это нечестное собраніе и подожжетъ свою убогую хату, чтобы погибли въ ней всѣ хулители вѣры православной и вмѣстѣ съ ея символъ—отступникомъ. А громада позвала на свой судъ штундистовъ; послѣдніе трусливо, повинились и сказали, что выкадаютъ дури изъ головы и возвращаются въ православіе.

— Въ Черниговѣ поднятъ старый вопросъ о правѣ евреевъ держать христіанскую прислугу и рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, т. е., что евреи не должны держать у себя христіанъ въ услуженіи, о чемъ свидѣтельствуется только-что обнародованнымъ въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ циркуляръ и. д. Черниговскаго губернатора, отъ 22 марта сего года, уѣзднымъ исправникамъ, полиціймейстерамъ городовъ и посадовъ губерній. Черниговскій епархіяльный Пресвѣщенный Веніаминъ отношеніемъ отъ 11 марта 1883 года за № 1930 уѣздному, что судебный сдѣлователь 2-го участка Новозыбковскаго уѣзда препроводилъ въ консисторію дѣло о возвращеніи въ иудейскую вѣру крестьянки Марфы Колупаевой, по разсмотрѣніи котораго оказалось, что крестьянка Марфа Колупаева, имѣя нѣтъ отъ роду 14 лѣтъ, учинила преступленіе, предусмотрѣнное 185 ст. улож. о нак. Колупаева находилась въ услуженіи у евреевъ съ 7-ми лѣтняго возраста, почему, въ возвращеніи ея въ иудейство, зазрѣвается семейство еврея Лейзера Лейтеса, живущее въ посадѣ Климовой, у коего семейства она служила въ послѣднее время, съ одинадцатилѣтняго возраста.

Даваа объ этомъ знать уѣзднымъ исправникамъ и полиціймейстерамъ черниговскаго губернія, губернаторъ предлагаетъ, въ видахъ предупрежденія и пресѣченія совращеній христіанъ въ иудейскую вѣру, сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы подлѣжные имъ чины полиціи строго сдѣлали за исполненіемъ 91 ст. уст. о пред. и прес. прест. изд. 1876 г., запрещающаго евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ и преслѣдовали нарушенія этого закона. О каждомъ-же отдѣльномъ случаѣ неисполненія 91 ст. вмѣняетъ изъ въ обязанность доносить ему своевременно*.

— „Віленскій Вѣстникъ“ сообщаетъ, что крестьяне Шиловичской волости, д. Чепелена, 13-го ноября прошлаго года, и села Шиловичъ, 24-го января 1883 года, слыша частія внушенія своего священника о. Сивена, упрекавшаго ихъ въ нетрезвой жизни, собравшись на сходъ, порѣшили закрыть существующіе у нихъ двашники и впредь нигде не выдавать приговоровъ на

открытие их; объ этом въ волостномъ правленіи составлены приговоры и занесены въ книгу установленную на сей предметъ.

— 30 марта изъ Петербурга въ Москву отправлены съ экстреннымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги Императорскія регалии по Высочайше утвержденному церемониалу, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ назначеннѣйшую часть, по особой повѣсткѣ, собрались въ Зимнѣй Дворцѣ: верховный церемоніймейстеръ, исправляющій долж. оберъ-церемоніймейстера, два церемоніймейстера Высочайшаго Двора, особы 2-го класса, съ ихъ ассистентами, назначенныя для пріема и отвоза регалій, четыре камеръ-юнкера и четыре камергера и, по распоряженію военного начальника, эскадронъ кавалергардскаго полка для конвоирования регалій, а у подъѣзда станціи желѣзной дороги — офицерскій караулъ. Отъ придворной конюшенной части прислано было потребное число экипажей.

Особы, назначенныя для несенія регалій, съ ихъ ассистентами, принявъ оныя въ брилліантовой комнатѣ изъ рукъ Министра Императорскаго Двора, вынесли ихъ на подушкахъ въ каретахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) два скорохода; 2) гофъ-фурьеръ; 3) камеръ-фурьеръ; 4) четыре камеръ-юнкера, по два въ рядѣ; 5) четыре камергера по два въ рядѣ; 6) два церемоніймейстера въ рядѣ; 7) и. д. оберъ-церемоніймейстера; 8) цѣпь ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго малая; 9) цѣнь того же ордена, большая; 10) держава; 11) скипетръ; 12) корона Государыни Императрицы; 13) корона большая Государя Императора; 14) офицеръ и за нимъ 2 унтеръ-офицера роты дворцовыхъ гренадьеръ.

По обѣимъ сторонамъ, подлѣ каждой регаліи, по одному гренадьеру сей роты.

Вышедъ на посольскій подъѣздъ, регаліи съ особами, ихъ несущими и ассистентами, помѣщены были въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ и весь кортежъ ѣхалъ на станцію Николаевской желѣзной дороги чрезъ главный ворота Дворца, Дворцовую площадь, Большую Морскую и Невскій проспектъ, слѣдующимъ порядкомъ:

1) трубачи эскадрона кавалергардскаго Ея Величества полка; 2) два взвода кавалергардовъ; 3) конюшенный офицеръ верхомъ, за нимъ три конюха; 4) четырехъ-мѣстная карета съ камеръ-юнкерами, цугомъ; 5) такая-же съ камергерами, цугомъ; 6) открытый фаязонъ съ церемоніймейстерами цугомъ; 7) открытый фаязонъ съ исправ. долж. оберъ-церемоніймейстера, — цугомъ; 8) конюшенный офицеръ; 9) два младшихъ берейтора, за ними три конюха верхомъ; 10) четырехъ-мѣстная карета, цугомъ, въ ней малая цѣнь ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго; 11) такая-же карета, въ ней большая цѣнь того-же ордена; 12) такая-же карета, въ ней держава; 13) такая-же карета, въ ней скипетръ; 14) такая-же карета, въ ней корона Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы малая; 15) такая-же карета, въ ней корона Ея Императорскаго Величества, большая. Впереди каждой изъ каретъ выходящихъ регалій, два вершника, а по сторонамъ — по два кавалергарда.

Въ заключеніе два взвода кавалергардовъ. При выходѣ регалій на посольскій подъѣздъ, караулъ главной гауптвахты сталъ подъ ружье и отдавъ честь и во все время слѣдованія ихъ, до выѣзда изъ главныхъ воротъ Дворца, держалъ на караулѣ. То-же самое соблюдалъ и караулъ, поставленный у подъѣзда станціи Николаевской ж. д. отъ пріѣзда регалій въ подъѣздъ до внесенія ихъ во внутрь станціи. У подъѣзда станціи находились камеръ-фурьеръ, два гофъ-курьера, два скорохода, 22 гренадера, 2 унтеръ-офицера и 1 оберъ-офицеръ роты дворцовыхъ гренадьеръ; отъ подъѣзда регалій внесены въ комнаты Государя Императора, тѣмъ-же порядкомъ, въ которомъ были несены изъ брилліантовой комнаты въ экипажи. Въ комнатахъ-же встрѣчены оныя и положены на приготовленное помѣщеніе, назначеннымъ для отвоза ихъ въ Москву генераль-адъютантомъ, при которомъ оныя уложены въ особые ящики командированными отъ кабинета Его Величества чиновниками. Сіи же чиновники и 10 человекъ гренадьеръ при одномъ унтеръ-офицерѣ, подлѣ командою генераль-адъютанта, сопровождали регаліи во всю дорогу до Москвы.

— 31 марта, въ 12 часовъ дня, въ Москву пріѣхалъ экстренный поѣздъ съ Императорскими регалиями. Во время слѣдованія по желѣзной дорогѣ Императорскія регалии сопровождалъ генераль-адъютантъ Глинка-Мавринъ со взводомъ дворцовыхъ гренадьеръ; на платформѣ поѣзда былъ встрѣченъ московскимъ генераль-губернаторомъ княземъ В. А. Долгоруковымъ, губернаторомъ и оберъ-полиціймейстеромъ. Почетный караулъ на станціи былъ отъ 12-го гренадерскаго Астраханскаго полка, 3-го драгунскаго Сумскаго полка и отъ дворцовыхъ гренадьеръ. По выносѣ Императорскихъ регалій изъ вагона почетный караулъ изъ дворцовыхъ гренадьеръ отдалъ имъ, честь. Отъ вокзала слѣдованіе регалій въ Оружейную Палату состоялось по слѣдующему церемониалу:

1. Ограда трубачей.
2. Два взвода 3-го драгунскаго Сумскаго полка.
3. Четыре камеръ-юнкера въ открытѣмъ ландо, цугомъ.
4. Четыре камергера въ ландо, цугомъ.
5. Два церемоніймейстера.
6. Исправляющій должностъ оберъ-церемоніймейстера, гофмейстеръ баронъ Вольеръ, въ открытѣмъ фаязонѣ цугомъ.

Затѣмъ на золотыхъ подушкахъ, въ каретахъ закрытыхъ цугомъ, съ драгунами по бокамъ слѣдовали:

1. Цѣнь ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, малая.
2. Цѣнь того же ордена большая.
3. Держава.
4. Скипетръ.
5. Корона Ея Величества Государыни Императрицы, малая.
6. Корона Его Величества Государя Императора большая.
7. Генераль-адъютантъ Глинка-Мавринъ.

Шестіе замыкали два взвода драгунъ Сумскаго полка. Отъ вокзала шестіе направилось мимо Красныхъ

Воротъ, по Масницкой, Никольской, Красной Площади, въ Кремль чрезъ Спасскія ворота. Вездѣ шестіе встрѣчаемо было огромными толпами народа, почтительно обпакивающаго головы; при видѣ Императорскихъ регалій многіе крестились. Во дворѣ Большаго Николаевского Дворца, регаліи встрѣчены почетнымъ карауломъ отъ лейбъ-гвардейскаго Елагинскаго полка, а на подъѣздѣ президентомъ Дворцовой Конторы генералъ-лейтенантомъ графомъ Орловымъ-Данковымъ и другими членами дворцоваго вѣдомства, затѣмъ регаліи несены сопровождавшими ихъ лицами въ Оружейную Палату. Здѣсь регаліи помѣщены въ такъ-называемой Тройной или Коронной залѣ, имѣющей желѣзныя ворота, и здѣсь онѣ должны храниться до дня Священной Коронаціи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Только что отпечатана новая книга:

ЦЕРКОВНОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО.

Руководственнымъ распоряженіемъ по духовному вѣдомству и разъясненіемъ по вопросамъ церковной практики.

Выражая собою дѣйствующее церковное право, распоряженія по духовному вѣдомству* раскрываютъ его преимущественно со стороны практической—общія законоположенія о церкви и духовенствѣ въ нихъ подтверждаются, восполняются и разъясняются по вызову обстоятельствъ, согласно требованіямъ жизни и указавшіи омиа. Въ виду безспорно важнаго, руководственаго значенія, какое имѣютъ въ практическомъ отношеніи «распоряженія по дух. вѣдомству», мы и составили предлагаемый сборникъ, разъясняющій собранной нами матеріалъ въ системѣ, по себѣ отдалѣмъ. Не лишнимъ считаемъ указать краткіе содержаніе каждаго отдѣла:

1) **ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ НА СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЬСКИЯ МѢСТА, названіяхъ, переименіяхъ.** Устраненіе при этомъ незаконнаго вѣнчанства приговорами и о значеніи кірскихъ приговоровъ. Объ отлучкахъ дух. лицъ. Гражданскія права священно-церковно-служительскихъ дѣтей и о полученіи ими вѣдывъ на свободное прожваніе. Права заштатныхъ. Порядокъ и сроки представленія дух. лицъ къ наградамъ и т. п.

2) **КАСательно СОВЕРШЕНІЯ СЛУЖБЪ и ТРЕБЪ ЦЕРКОВНЫХЪ.** Указанія о владѣніяхъ. Мѣры противъ распространенія неправильно писанныхъ книгъ;—противъ нарушенія благоговѣя въ церквяхъ. О церковномъ проповѣдничествѣ. О наблюденіи за препод. Закона Божія. Порядокъ открытія и

закрытія церковно-приходскихъ школъ. Порядокъ опредѣленія на должностя законоучителей и увольненія отъ оныхъ. Правила объ экзаменахъ по Зак. Божію въ начальныхъ училищахъ и т. п.

3) **СРЕДСТВА СОДЕРЖАНІЯ ДУХОВЕНСТВА и ПРАВИЛА РАЗДѢЛА ЦЕРК. ДОХОДОВЪ.** О личномъ вознагражденіи. Касательно выдачи жалованья и доходовъ при переименіяхъ. Установленіе таксы за требо-исправленія. Вознагражденіе изъ земскихъ суммъ. О крестьянскихъ приговорахъ касательно обезпеченія причтовъ и т. п.

4) **О ПРИЗВАНІИ ВѢДВНЫХЪ ДУХ. ЗВАНІЯ.** Единорек. пособія. Надѣлъ сиротъ землемъ. Ненси. Шоры и штрафы въ пользу воевѣдствъ. *Описка надъ сиротами.* Составленіе и формы описей имущества;—опекунскихъ отчетовъ. Дух. завѣщанія.

5) **ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.** О формахъ прошеній подаваемыхъ Дух. Консисторіи. Надзоръ за нравств. жизнью духовенства. Благоуочив. Совѣтъ;—сѣдыя. Правила опредѣленія обязанности настоятелей и прочихъ членовъ причта. Объ участіи духовенства въ дѣлахъ земства. Порядокъ производствъ слѣдствій о проступкахъ дух. лицъ;—по случаемъ упущеній и неправильныхъ записей въ метрич. книгахъ. По вопросамъ о подустности дух. лицъ мировымъ и судебнымъ учрежденіямъ...

6) **О ЦЕРКОВНОМЪ ИМУЩЕСТВѣ.** Порядокъ пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ;—по давности, безъ письменныхъ документовъ. Отрпненіе церк. земель. Отдана ихъ въ аренду. О дѣлныхъ дачахъ и пользованіи ими. О постройкѣ церквей и перъ, поучкахъ. Пріобрѣтеніе на церк. счетъ, и ремонтъ церк. дововъ для причта. Противъ злоупотребленій по производствъ церк. сборовъ. Касательно помѣщаній церк. суммъ въ кредитныя учрежденія. Ухраненіе церк. суммъ. Выборы п. старостъ, и по вопросу о правѣ ихъ къ присягѣ...

7) **О ПРАВИЛЬНОМЪ ВЕДЕНІИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ДОКУМЕНТОВЪ и КНИГЪ.** Кларурна вѣдомости. Метрическія книги. Исповѣдныя вѣдомости. О выдачѣ метрич. справокъ. О изданіи гербовога сбора и т. п.

Цена 1 р. 75 к. съ пер. 2 рубл.

Требованія адресовать: въ г. Воронежѣ преподавателю Семинаріи Василію Абрамову Магличкому.

По тому же адресу могутъ быть выписываемы и слѣд. книги:
1) *Смѣтликъ.* Сборникъ проповѣдей преспособенныхъ къ жизни и поученію простаго народа. Изд. шестое п. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

2) *Избранія поученія на дни воскресныя и праздничныя.* Ц. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

3) *Избранія поученія на разные случаи.* Изд. второе. Ц. 1 р. 40 к. съ пер. 1 р. 60 к.

4) *Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики.* Изд. четвертое. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

5) *Воскресныя и праздничныя вѣбгослужевныя собесѣдованія, какъ особый видъ церковно-народной проповѣди.* Печатается вторымъ изданіемъ. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 40 к.

При требованіи четырехъ и болѣе экземпляровъ пересылка даромъ.

Редакція «Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», съ благодарностію приметъ статьи, корреспонденціи, замѣтки вообще всѣяй литературный трудъ, соотвѣствующій духу и направленію своего изданія. Адресъ лицъ, доставляющихъ въ редакцію свои сочиненія, долженъ быть точно обозначенъ, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія возлагается редакціей литературныхъ произведеній можетъ быть ей условлено. Статьи, признанныя неудобными на печатаніе, не будутъ возвращаться посылкѣ;—авторы сами благоволятъ получать ихъ въ копіяхъ редакціи; статьи-же, признанныя болѣе обширными условій печатанія, будутъ считаться безплатными.

«Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ еженедѣльно (52 №№ въ годъ), каждаго разъ въ обѣихъ отъ полутора до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ, или не менѣе 104-хъ листовъ печатнаго текста въ годъ. Цѣна за годовое изданіе шесть руб., а съ доставкою городскимъ почтослуживымъ и съ пересылкою иногороднимъ семь руб.; на полугодіе—четыре рубля.

Подписка на изданіе «Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» принимается: въ Харьковѣ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ копіяхъ редакціи «Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» и въ копіяхъ Типографіи Окружнаго Штаба. Копіора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ по полуночи; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Посылка, письма, денги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: «въ г. Харьковѣ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію «Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24.

Редакторъ, Ректоръ харьковской духовной семинаріи, Протоіерей Михаилъ Тихоносовъ.